

Библиотека Всемирной Литературы

БЫЛИНЫ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ. БАЛЛАДЫ

Сборник

**Былины. Исторические
песни. Баллады**

«Public Domain»

«ЭКСМО»

Сборник

Былины. Исторические песни. Баллады / Сборник — «Public Domain», «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-30300-7

Былины, исторические песни, баллады обладают удивительным свойством – они переносят нас в далекое прошлое, где здравствуют и совершают подвиги и добрые дела Илья Муромец и Добрыня Никитич, где от свиста коварного Соловья-разбойника «темны лесушки к земли вси приклоняются», где злые силы Тугарина побеждает русская рать, где солдаты жалуются на тяготы государевой службы и на самого царя, а жена сжигает нелюбимого мужа. Народная память бережно хранит эти эпические сокровища, передает их из уст в уста, от поколения к поколению, даря потомкам очарование и красоту лучших образцов русского фольклора. Помимо былин, исторических песен XII–XIX веков и баллад, в состав книги входят также скоморошины – забавные сатирические и комические пародии, способные рассмешить любого читателя.

ISBN 978-5-699-30300-7

© Сборник
© Public Domain
© Эксмо

Содержание

Былины	21
Волх Всеславьевич	21
Вольга и Микула	26
Святогор и тяга земная	31
Исцеление Ильи Муромца	32
Илья Муромец и Святогор	35
Илья Муромец и Соловей-разбойник	40
Илья Муромец и голи кабацкие	46
Илья Муромец и Идолище в Киеве	49
Илья Муромец и Идолище в Царе-граде	54
Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром	60
Илья Муромец и Калин-царь	62
Бой Ильи Муромца с сыном	77
Богатыри на Соколе-корабле	86
Три поездки Ильи Муромца	88
Мамаево побоище	92
Поединок Ильи Муромца и Добрыни Никитича	99
Добрыня и Змей	103
Добрыня и Василий Казимирович	111
Бой Добрыни с Дунаем	119
Добрыня и Дунай сватают невесту князю Владимиру	123
Добрыня и Маринка	131
Женитьба Добрыни	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Сборник

Былины. Исторические песни. Баллады

Составители А.Калугина, В.Ковпик

В книге, которую мы предлагаем читателю, публикуются лучшие образцы песенного эпоса русского народа: былины, исторические и балладные песни, а также скоморошины. В них в поэтической форме нашли отражение, с одной стороны, историческое сознание народа, идея служения Родине, любви к родной земле, к земледельческому труду, к близким людям, а с другой – обличение врагов, посягающих на Русь и разоряющих города и села, осуждение злодейств, осмеяние человеческих пороков и низменных поступков.

Былины – героический эпос русского народа, восходящий ко временам Киевской Руси, – до середины XX в. сохранялись преимущественно на Русском Севере (Архангельская область, Карелия) в устах сказителей, именовавших эти песни «старинами» или «старинками». Термин «былина» по отношению к ним был введен в употребление в 30-е гг. XIX в. собирателем и издателем фольклора И. П. Сахаровым, позаимствовавшим его из «Слова о полку Игореве» (автор которого ведет рассказ «по былинам сего времени», а не по старинным песням-«славам» в честь князей, созданным вещим певцом Бояном).

Сейчас это может показаться странным, но еще в середине XIX в. наша отечественная наука не располагала сведениями ни о бытовании былин, ни об их исполнителях – и это в то время, когда Богатырский эпос, как мы сейчас знаем, еще был широко распространен на территории России! Причину этого явления можно найти в петровских реформах, в результате проведения которых образованные слои русского общества приобщились к европейской культуре и в то же самое время отделились от основной массы своего народа – крестьян – настолько, что о русском народном творчестве имели лишь самое приблизительное понятие (а подчас – ио самом языке: не случайно пушкинская Татьяна, «русская душою», «по-русски плохо знала» и «выражалася с трудом на языке своем родном»). Положение стало меняться лишь в эпоху романтизма, пробудившего внимание образованного русского общества к творениям «народного духа», передававшимся изустно в среде неграмотного в своей массе крестьянства. В 1830-1850-е гг. развернулась деятельность по собиранию произведений фольклора, организованная славянофилом Петром Васильевичем Киреевским (1808–1856 гг.). Корреспондентами Киреевского и им самим было записано около сотни былинных текстов в центральных, поволжских и северных губерниях России, а также на Урале и в Сибири, однако эти записи увидели свет только в 1860–1874 гг., когда собрание народных песен Киреевского издавал П. А. Бессонов.

До середины XIX в. былины были известны русскому читателю лишь по сборнику Кириши Данилова, первое (сильно сокращенное) издание которого под заглавием «Древние русские стихотворения» увидело свет в Москве в 1804 г., второе (значительно более полное) – в 1818 г. («Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым»). Считалось, однако, что представленные в этой книге песни уже перестали бытовать в народе. Сама личность составителя этого собрания произведений народного песенного эпоса, равно как и место, время и обстоятельства его возникновения оставались тайной вплоть до недавнего времени, когда трудами ученых, предпринявших обширные историко-архивные разыскания, было установлено, что Кирилл Данилов был заводским мастером в демидовском Нижнем Тагиле. Владея обширным фольклорным репертуаром, он в середине XVIII в. записал его (или продиктовал для записи) по поручению хозяина заводов – Прокофия Акинфиевича Демидова, который, в свою очередь, хотел передать эти песни в качестве важного исторического источника известному историку, академику Герарду-Фридриху («Федору Ивановичу», как его звали по-русски) Мил-

леру.¹ Весьма вероятно, что Кирилл Данилов оказался за Уралом не по своей воле: в России за иную песню могли сослать «в места не столь отдаленные» и в XX, и в XVIII веке. Думать так заставляет фраза, оброненная П. А. Демидовым в письме Г.-Ф. Миллеру от 22 сентября 1768 г.: «Я достал [эту песню] от сибирских людей, понеже туды всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют на голосу».

Настоящим потрясением для научного мира стало открытие в середине XIX в. живой традиции былинного эпоса, причем недалеко от Санкт-Петербурга – в Олонецкой губернии. Честь этого открытия принадлежит Павлу Николаевичу Рыбникову (1831–1885 гг.), народнику, высланному в Петрозаводск под надзор полиции. Служа в губернском статистическом комитете, Рыбников в 1859–1863 гг. совершал деловые поездки по губернии, в ходе которых обнаружил десятки знатоков эпоса – сказителей – и записал от них 165 текстов былин, которые опубликовал в 1861–1867 гг.² Вот как собиратель описывает свою первую встречу с былинами (во время ночлега на Шуй-наволоке, острове в 12 верстах от Петрозаводска):

«Я улегся на мешке возле тощего костра, заварил себе чаю в кастрюле, выпил и поел из дорожного запаса, и, пригревшись у огонька, незаметно заснул; меня разбудили странные звуки: до того я много слышал и песен и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрему я рассмотрел, что в шагах трех от меня сидит несколько крестьян, а поет-то седатый старик с окладистой белой бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением в лице. Присоседившись на корточках у потухавшего огня, он оборачивался то к одному соседу, то к другому, и пел свою песню, перерывая ее иногда усмешкою. Кончил певец, и начал петь другую песню: тут я разобрал, что поется былина о Садке купце, Богатом госте. Разумеется, я сейчас же был на ногах, уговорил крестьянина повторить пропетое и записал с его слов. Стал спрашивать, не знает ли он чего-нибудь. Мой новый знакомый, Леонтий Богданович, из деревни Середки, Кижской волости, пообещал мне сказать много былин: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалого Василия Буславевича, про Хотенушку Блудовича, про сорок калик с каликою, про Святогора Богатыря...»³

Ободренные находкой П. Н. Рыбникова, отечественные фольклористы во 2-й половине XIX – начале XX вв. предприняли множество экспедиций, в основном на Русский Север, где были открыты новые очаги сохранности песенного эпоса и от сотен сказителей сделаны записи тысяч былинных текстов (всего исследователь эпоса профессор Ф. М. Селиванов насчитывал к 1980 г. около 3000 текстов, представляющих 80 былинных сюжетов). К сожалению, к нашему времени былины полностью исчезли из живого бытования и являются теперь лишь величественным культурным наследием ушедшего прошлого нашей страны и народа. Условием сохранности былин была полная вера сказителей в правдивость описываемых ими событий (это неоднократно отмечалось фольклористами), в реальность Богатырей, в одиночку побивавших вражеские войска, Соловья-Разбойника, свистом валившего с ног Богатырского коня, крылатого Змея Тугарина и прочих диковин художественного мира былинного эпоса. Потрясения XX в. в мире и обществе, распространение школьного образования, изменение в мировоззрении и быте русского крестьянина разрушили эту наивную веру, и былины были обречены на вымирание.

¹ А.А. Горелов. Разговор с биографами Кириши Данилова // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 31. СПб., 2001. С. 76–90.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1. М., 1861; Ч. 2. М., 1862; Ч. 3. Петрозаводск, 1864; Ч. 4. СПб., 1867.

³ П. Н. Рыбников. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1909. С. LX–СII.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении былинного эпоса с исторической действительностью (т. н. «проблема историзма русского эпоса»), вызывавший и в XIX, и в XX веках бурные споры (особенно между историками и филологами).

Основоположник русской исторической науки В. Н. Татищев так писал о былинах в 1730-х гг.: «Хотя оне не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако же много можно в недостатке истории из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить».⁴ Однако в дальнейшем, пренебрегая предостережением Татищева, некоторые ученые-историки излишне прямолинейно и однозначно «привязывали» былинные тексты к данным письменных и археологических памятников, считая, как, например, советский историк академик Б. Д. Греков, что «былина – это история, рассказанная самим народом».⁵ Однако надо понимать, что героический эпос в силу особенностей своего «складывания» не отражает исторических событий, а преобразует их; песенно-эпическая память народа – не том летописного свода, стоящий на полке, она не хранит деяний прошлого в точности, а представляет собою народное осмысление истории, воссоздание образца устройства общества и государства, и, передаваясь столетиями из уст в уста, изменяется, скрывая историческую первооснову под позднейшими наслоениями. Вот какова, по наблюдениям ученого 1-й половины XX в. профессора Н. П. Андреева, может быть эта «многослойность»:

«В былинах о Владимире рассказывается, например, о том, как к Киеву подступает татарский царь „Батыга“ (или „Абатуище“ и т. п.). В одном из вариантов изображается, как Владимир торопится, по совету окружающих, вызывать Богатыря на помощь:

Еще тут князь Владимир да не послушался, А нахватил он ведь кунью шубочку собольюю, Обувал же калоши да на босу ногу, А побежал да ко кружалу государеву.

[Григорьев, т. 3, № 15 (319)] Таким образом, в одном и том же тексте сталкиваются факты X–XI вв. (Владимир – вероятно, Владимир «Святой»), XIII в. (татары под предводительством Батыя взяли Киев в 1240 г.), XVI–XVII вв. («кружало государево», т. е. кабак) и XIX–XX вв. («калоши»). Совершенно ясно, что песни о Владимире в X–XI вв. не могли говорить ни о «калошах», ни о «кружале», ни о татарах: древняя былина дожила до позднейших времен и приобрела за свою долгую жизнь новые черты».⁶

Фольклористы различных научных школ выработали несколько основных вариантов решения проблемы историзма былин. Вот как их излагает профессор Ф. М. Селиванов: «1) Историческое событие отдельными реалиями наслаивается на уже существующий (мифологический, заимствованный, книжный) сюжет; 2) событие, изображенное в былине, неизбежно заслонялось позднейшими и многократными историческими наслоениями, что затрудняет или делает невозможными поиски исконного содержания; 3) первоначальный отклик на событие осуществлялся в произведениях другого жанра (хвалебная песня, сказание, предание), содержательную сторону которых впитала в себя былина» (Селиванов, с. 29). Из третьего положения также вытекает, что сами былины в том виде, как они нам знакомы, складывались позднее времен Киевской Руси – уже в эпоху удельных княжеств и татаро-монгольского ига, а во времена единого древнерусского государства бытовали лишь т. н. «про-тоформы» будущих былин (песни-хроники, отражавшие только что совершившееся событие; песни-славы в честь князей, звучавшие на пирах, а также, возможно, их противоположность – песни-поношения; воинские причитания, исполнявшиеся на похоронах и поминках), причем не в массе простого народа, а в дружинной среде, в окружении князя.

⁴ В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен. М., 1768. Кн. 1. Ч. 1. С. 44 – 45.

⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953. С. 7.

⁶ Русский фольклор: Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений / Сост. проф. Н. П. Андреев. Изд. 2-е. М. – Л., 1938. С. 8.

Во время татаро-монгольского ига на основе этих более ранних песенных жанров уже среди крестьянства и посадских людей начали складываться собственно былины, ставшие воспоминанием о былом единстве Русской земли, позволявшем успешно отражать набеги иноплемеников, а также и призывом к объединению разрозненных сил для общей борьбы с захватчиками. Это точно выразил еще в XIX в. критик Н. А. Добролюбов: «... во времена бедствий родной земли вспомнил он «народ» минувшую славу и обратился к разработке старинных преданий. Тут он начал организовывать разбросанные сказания, перепутал лица, местности и эпохи и целый трехсотлетний период сгруппировал около лица одного Владимира, бывшего ему памячнее других. Богатырей Владимировых заставили сражаться с татарами и самого Владимира сделали данником "грозного короля Золотой Орды Этмануйла Этмануйловича... В живой действительности народ не видел никакого средства управиться с своими поработителями... Но тяжела ему была эта покорность, и он всё не оставлял мечтать о средствах освобождения».⁷

Именно та важная роль, какую стали играть былины в национально-освободительной борьбе, возрождении русского государства после иноземного ига, и обеспечила им такую долгую жизнь в устной традиции – они пережили воспетую ими Киевскую Русь на целое тысячелетие! По мнению профессора Ф. М. Селиванова, «русский народ, формировавшийся в XIV–XV вв., осознавал себя непосредственным наследником Киевской Руси, ее славной истории, ее былого могущества. Воспоминания о героическом прошлом по-новому представляли в эпоху национальной консолидации в условиях борьбы против ордынского ига; отдельные произведения воспринимались как части целостного прошлого. <.> Будучи отражением процесса этнической консолидации, былины одновременно способствовали укреплению идеи единства народа» (Селиванов, с. 31).

Былины по содержанию делятся на два цикла: киевский и новгородский; подавляющее большинство сюжетов принадлежит к киевскому циклу. Основу содержания этих былин составляют события времен Киевской Руси – огромного восточноевропейского государства, населенного древнерусскими племенами (поляне, древляне, северяне, дреговичи, радимичи, вятичи, кривичи, словене и пр.), предками современных русских, украинцев и белорусов. Большинство исторических событий и личностей, нашедших отражение в былинах, относятся к концу IX – началу XII вв., т. е. до распада Киевской Руси на самостоятельные удельные княжества во второй четверти XII в., которое в конечном итоге и привело к тому, что разобщенные древнерусские земли не смогли дать отпор татаро-монголам. Большинство событий, происходящих в былинах, приурочены к стольному городу Киеву и двору князя Владимира, былинный образ которого объединил воспоминания по меньшей мере о двух киевских великих князьях: Владимире Святославиче Святом (ум. 1015 г.) и Владимире Всеволодовиче Мономахе (1053–1125 гг.).

В нашей книге, в начале раздела былин помещены тексты о «старших» Богатырях – Святогоре, Вольге и Микуле Селяниновиче, которые представляют собою останцы догосударственного эпоса времен родового строя. Эти Богатыри наделены мифологическими чертами (оборотничество Вольги, мистическая связь с матерью-землей у Микулы), они не служат какому-либо князю – а Святогор вообще не может находиться в какой-либо земле или стране: в нем столько исполинской силы, что земля его не держит. Из былины «Илья Муромец и Святогор» видно, что время старших Богатырей проходит: Святогор умирает, а Илья, похоронив его, отправляется в Киев служить князю Владимиру (лишь в некоторых вариантах Илья Муромец соглашается воспринять часть силы умирающего Богатыря).

⁷ Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы // Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1962. С. 218–273.

Далее помещаются тексты былин о Богатырях «младших», начиная с собственно героических сюжетов и доходя до новеллистических или близких балладным. Более всего былин связано с именами Богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алёши Поповича. Как и в случае с самим князем Владимиром, к эпохе его правления в былинах отнесены люди, жившие в разное время и в разных местах: Илья, погребенный в Киево-Печерской лавре, не известен летописям, зато в качестве знаменитого русского воина упоминается в старых германских и скандинавских сказаниях, начиная с XII в.; в образе Добрыни Никитича соединены воевода Добрыня, бывший Владимиру Святому дядей по материнской линии, и рязанский воевода Добрыня, живший позднее. Ростовский «храбр» Александр Попович упоминается в летописи под 1224 г. Былины об одном Богатыре ставятся нами подряд, друг за другом, представляя «эпическую биографию» героя.

Былин новгородского цикла немного; это былины о Садке и Василии Буслаеве. По идейному содержанию они сильно отличаются от былин киевских: в них нет темы княжеской службы и защиты родной земли от иноземных нашествий. Эти былины прославляют Новгород как торговую столицу русских земель (возвышению Новгорода в этом качестве способствовало то, что он избежал монгольского разорения), а также вольный и свободолюбивый дух его жителей (хотя Василий Буслаев, не веруя «ни в сон, ни в чох», восстает и против общественных отношений, и против моральных норм – и, в конечном счете, гибнет).

В конце раздела помещены тексты поздних новообразований на основе былинного эпоса – распетые былинным стихом сказка («Нерассказанный сон») и исторические предания («Рахта Рагнозерский», «Бутман Колыбанович»).

Исторические песни являются продолжением эпического творчества на новом этапе государственного развития Руси. Они посвящены историческим событиям и лицам и выражают народные интересы и идеалы. По объему они меньше былин. Сюжет исторических песен обычно сводится к одному эпизоду. Персонажи исторических песен – известные исторические деятели (Иван Грозный, Ермак, Разин, Петр I, Пугачев,

Суворов, Александр I, Кутузов), а также представители народа: пушкарь, канонер, солдаты, казаки. Старшие исторические песни XIII–XVI вв. ближе к былинам наличием развернутого сюжета, стилистикой, а младшие – XVIII–XIX вв. начинают испытывать все большее влияние лирических песен и постепенно переходят в солдатские песни лирического звучания. В настоящем сборнике публикуется примерно четвертая часть известных науке исторических песен.

Относительно времени происхождения исторических песен среди фольклористов существуют разногласия. Петербургский ученый С. Н. Азбелев полагает, что подобные песни бытовали задолго до образования Древнерусского государства. В своих суждениях С. Н. Азбелев опирается на мнение таких авторитетных ученых, как Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер, а также на свидетельства византийских историков. С другой точки зрения (Ю. М. Соколова, Б. Н. Путилова, Ф. М. Селиванова, В. П. Аникина), исторические песни возникли во время ордынского нашествия – в середине XIII в.

В песне «Авдотья Рязаночка» описан разгром Рязани в 1237 г., когда почти все жители были убиты или порабощены. Героиня песни решает спасти из вражеского плена брата, мужа и свекра и отправляется во вражеский стан. Она преодолевает все препятствия, не побоявшись ни лютых зверей, ни разбойников, переплывая глубокие реки и обходя кругом широкие озера. Добравшись до царя Бахмета, она предлагает выкуп хотя бы «за единыя головушки». Бахмет позволяет ей выбрать, кого она хочет выкупить. Авдотья решает спасти брата. Бахмет, у которого недавно убили родного брата, расчувствовался и разрешил ей брать «полону сколько надобно». Авдотья Рязаночка выручает из плена свой народ и на новом месте расселяет город по-старому. Хотя речь идет о разорении Казани, исследователи предполагают, что это более

позднее наслоение, а в песне первоначально отражено разорение татарами Рязани (о чем свидетельствует прозвище героини – Рязаночка).

До наших дней дошли создававшиеся в это время песни о судьбе полонянок, захваченных врагами: «Русская девушка в татарском плену», «Спасение полонянки» и пр. Большинство этих песен относят к разряду исторических баллад и публикуют их как в сборниках баллад, так и в сборниках исторических песен. В песне «Мать встречает дочь в татарском плену» повествуется о матери, которая оказывается в рабынях у дочери, ставшей женой татарина. Узнав ее по приметам, мать боится признаться: вдруг дочь будет и дальше помыкать ею, заставляя «три работы работать». Свои переживания она изливает в колыбельной внуку. Узнав от слуг правду о рабыне, дочь бросается к матери и дает ей возможность вернуться на Святую Русь. Перед полонянкой трагический выбор: бежать из плена – навсегда потерять неожиданно обретенных дочь и внука, а оставшись – лишиться родины. В одних вариантах мать остается у дочери, в других – возвращается домой.

В песнях речь идет об удачных и неудачных побегах из плена, самоубийстве девушки, не желающей достаться врагу.

В песне о Щелкане нашло отражение тверское восстание 1327 г., когда был убит ханский баскак Чол-хан (в летописи – Шевкал). Образ Щелкана рисуется самыми негативными красками. Он показан как жестокий сборщик дани: если денег нет, «головой возьмет». Чтобы стать правителем Твери, он не задумываясь выполняет условие хана Азвяка: убивает собственного сына и выпивает чашу его крови. Этот эпизод вымышлен, но он необходим для обличения кровожадности Щелкана. В песне жители Твери пытаются умиловить бесчинствующего Щелкана, но он, приняв подарки, «чести не воздал им». Возмущенные тверичи жестоко расправились с Щелканом:

Тут смерть ему случилась, Ни на ком не сыскалося.

На самом деле восстание в Твери было подавлено. Слова «ни на ком не сыскалося» носили публицистический характер, призывая к активной борьбе с врагами.

Песни XVI в., повествующие об объединении и укреплении Московской Руси, включают сюжеты об Иване Грозном и Ермаке. Царь Иван IV представлен в них, с одной стороны, как борец с внешними и внутренними врагами, а с другой – как жестокий, склонный к скорой расправе правитель, способный казнить даже собственного сына. Из цикла песен об Иване Грозном наибольший интерес представляют «Взятие Казани», «Кострюк», «Гнев Ивана Грозного на сына». В песне «Взятие Казани» отражены события 1552 г., когда русские войска под предводительством Ивана Грозного взяли приступом Казань. При этом был применен подкоп и взрыв городской стены. Казанский царь Едигер был взят в плен. В песне повествуется только об одном эпизоде. В подкоп под казанской стеной пушкари закладывают бочки с порохом и ставят свечу, чтобы с ее помощью поджечь порох. Иван Грозный следит за контрольной свечой. Та догорела, а взрыва нет. Подозревая пушкарей в измене, он велит казнить виновных. Один из них разъяснил царю, что под землей свечи «тише горят». Раздается взрыв – Казань взята. Царь меняет гнев на милость и приказывает наградить пушкарей.

В песне о Кострюке Грозный изображается мудрым и справедливым правителем. Песня связана с женитьбой Грозного на черкешенке Марии Темрюковне. Прототипом Кострюка фольклористы считают ее младшего брата Михаила (хотя имя Кострюк перекликается с именем ее старшего брата Мастрюка). Михаил долго жил при дворе Грозного и был казнен в 1571 г. В песне Кострюк хвастается своей силой и требует поединщика. Но Богатырей в это время в Москве «не случилось» – и Кострюка побеждает Потанюшка хроменький. Царица требует наказать мужика, а царь отвечает:

А не то у меня честь во Москве,
Что татаре те борются;

То-то честь в Москве,
Что русак тешится!

В другом варианте Грозный обещает наградить мужика «палатами белокаменными» и «знать, почитать его».

Песня «Гнев Ивана Грозного на сына» посвящена событиям в царской семье. Иван Грозный на пиру начинает хвастаться, что повывел измену из Новгорода и Пскова. Царевич Иван говорит отцу, что измена сидит у него за столом, и указывает на младшего брата Федора. Царь приказывает казнить Федора, и палач Малюта Скуратов спешит исполнить приговор. Брат жены Ивана Грозного Никита Романович прячет (в вариантах – подменяет) царевича, а царю докладывает о состоявшейся казни. Грозный объявляет о трауре и глубоко скорбит. Ему сообщают, что в доме Никиты Романовича веселый пир. Царь гневается и хочет расправиться с шурином, но узнает о спасении сына. В знак благодарности царь жалует Никите Романовичу вотчину, где всякий мог бы найти заступничество от гонений и притеснений – воплощение мечты крестьянства о хорошей жизни под защитой доброго барина. Исследователи расходятся в определении конкретных исторических фактов, которые послужили поводом для создания этой песни. Одни считают, что песня возникла как отклик на убийство Грозным старшего сына Ивана в 1581 г., другие – как отклик на события 1570 г. (новгородский погром, массовые казни в Москве). В том составе, как это представлено в песне, все действующие лица не могли участвовать ни в тех, ни в других событиях.

В 1570 г. уже не было в живых Анастасии Романовны, а царевичу Федору было 13 лет и он не мог участвовать в карательной экспедиции и московских казнях. В 1581 г. уже не было Малюты Скуратова. Несовпадений с реальными фактами много. Само событие развивается на широком эпическом фоне (пир, хвастовство на пиру, трудное задание, от которого все отказываются, кроме Малюты Скуратова), но исторически достоверно воссоздается эпоха Ивана Грозного, его сложный и противоречивый характер.

Большой цикл песен XVI в. связан с именем Ермака – атамана донских казаков. В песнях Ермак изображается как храбрый и талантливый предводитель казаков, отважный воин и мудрый, осторожный человек, иногда излишне доверчивый. В некоторых вариантах песни о взятии Казани Ермак помогает Ивану Грозному захватить неприступный город, и за это казаки получают от царя Дон со всеми речками и протоками и вольную жизнь. В 1852 г. по просьбе уральских промышленников Строгановых Ермак выступил в поход за Урал и разбил войско хана Кучума на берегу Иртыша. Во время одного из сражений Ермак погиб.

Исторические песни XVII в. отражают национальную борьбу эпохи Смутного времени и социальные волнения (цикл о Степане Разине). После смерти Ивана Грозного правил его сын Федор, а малолетний царевич Дмитрий вместе с матерью Марией Нагой был выслан в Углич, где погиб в 1591 г. Исторические песни обвиняют в его убийстве Бориса Годунова:

Уж достал он и царство смертию царя,
Смертию царя славного, святого Дмитрия-царевича.

Борис Годунов венчается на царство в 1598 г., после кончины Федора Ивановича. В 1605 г., после смерти Бориса Годунова, объявляется самозванец Лжедмитрий I. Его сторонники убили вдову и сына Годунова. Заняв Москву, Лжедмитрий вступил в связь с дочерью Годунова Ксенией, а потом отправил ее в монастырь, где она была пострижена в монахини. В песне «Плач Ксении Годуновой» она причитает о своей горькой судьбе. Сочувствуя Ксении, народ в песнях обличает самозванца. Гришка Отрепьев и его жена Марина Мнишек осуждаются за пренебрежение к русским обычаям: когда все постятся, они едят скоромную пищу; все идут к заутрене в церковь, а они – в баню. В 1606 г. Лжедмитрий был убит стрельцами, а «злая

еретница-безбожница» Маринка улетела из палат, обернувшись сорокой (здесь использован сказочный мотив оборотничества с целью спасения).

Против польских захватчиков успешно выступил князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. В 1610 г. он освободил Москву от вражеской осады. Его подвиг был воспет народом и вызвал зависть у князей и бояр. По слухам, во время пира у князя И. М. Воротынского дочь Малюты Скуратова подносит Скопину-Шуйскому отравленное питье. Смерть молодого воеводы вызвала песни, которые бытовали в народе несколько веков. Ценность этих песен состоит в том, что один из первых вариантов был записан в 1619–1620 гг. для английского священника Ричарда Джеймса. Это свидетельствует о том, что исторические песни появлялись в народе сразу же после волновавшего его события.

Песня «Минин и Пожарский» повествует об окончательном освобождении Московского государства от польских и литовских захватчиков.

В середине XVII в. растет недовольство народа крепостным гнетом. В 1667–1671 гг. разворачивается крестьянская война под руководством донского казака Степана Разина. Со второй половины XVII в. начинается расцвет лирических песен, поэтому не случайно лишь две песни этого цикла сюжетны: о «сынке» Разина и об убийстве астраханского воеводы (губернатора). Остальные проникнуты глубоким лиризмом и раскрывают чувства и переживания разинцев, отвергающих обвинения в том, что они «воры-разбойнички», и оплакивающих гибель своего предводителя. Казнь Разина описывается как всенародное горе, которому сопереживает даже природа. Пушкин назвал Стеньку Разина «единственным поэтическим лицом русской истории» и собрал о нем народные песни и предания (в частности, песню о «сынке» Разина).

Песни XVIII в. связаны с эпохой Петра I (созданием регулярной армии и флота, походом на Азов, Северной и Семилетней войнами, борьбой с турками) и народными волнениями (булавинское и пугачевское восстания). В центре внимания народных певцов (в их числе солдаты и казаки) – образы Петра I и Пугачева. Петр I Великий стал царем в 1682 г., но самостоятельно начал править с 1689 г., а в 1721 г. был провозглашен императором. Начало его правления было омрачено стрелецким восстанием 1698 г., жестоко подавленным. Народ в песнях с сочувствием относится к стрельцам, которых царь «пожаловал» «хоромами высокими – двумя столбами дубовыми и петлями шелковыми!» (виселицами).

В цикле песен о казаках-некрасовцах повествуется об уходе в 1708 г. с Дона на Кубань казаков-старообрядцев под предводительством Игната Некрасова, а затем об их переходе с Кубани за Дунай в 1740 г.

Петру и его эпохе посвящено множество песен, в которых говорится о боях и военных победах. Полтавская битва, закончившаяся разгромом войск шведского короля, изображается с точки зрения простых солдат. Предстоящее сражение рисуется как пир, приготовленный для врага:

«...Уж мы столики расставим – Преображенский полк,
Скатерти расстелим – полк Семеновский,
Мы вилки да тарелки – полк Измайловский,
Мы поильце медяное – полк драгунушек,
Мы кушанья сахарны – полк гусарушек,
Потчевать заставим – полк пехотушек».

Петр I показан в песнях как талантливый полководец, справедливый и простой в обращении со своими воинами человек. В песне о смерти Петра I он завещает:

«...Сенат судить вам, князьям-боярам, Каменна Москва и Россия
вся – моей государыне».

Особенно была популярна песня о часовом, оплакивающим царя у его гроба и призывающем Петра I пробудиться и посмотреть на свою армию, которая скорбит по умершему.

Песни о Емельяне Пугачеве, предводителя крестьянской войны 1773–1775 гг., под именем Петра III поднявшем восстание яицких казаков, частично строятся на переработанных сюжетах о Разине. Отношение в песнях к Пугачеву неоднозначное: речь о нем идет то как о бунтовщике, то как о добром царе. В песне «Пугачев и Панин» Пугачев признается на суде Панина, что перевешал «вашей братии семьсот семи тысяч», а самого Панина, если бы он попался, «повыше подвесил». Пугачев был казнен в Москве на Болотной площади. Народ оплакивал его в песнях-причитаниях:

Емельян ты наш, родный батюшка! На кого ты нас покинул?
Красное солнышко закатилось.

А. С. Пушкин, готовя материалы к «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке», в 1833 г. собирает песни и предания о Пугачеве в местах, связанных с восстанием (Симбирске, Оренбурге и пр.). Песни о Пугачеве записывались собирателями также на Урале, в Заволжье от потомков участников или свидетелей событий, связанных с восстанием.

Песни XIX в. посвящены русско-персидской войне 1804–1813 гг., Отечественной войне 1812 г., русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Крымской войне 1853–1856 гг., русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Особенно популярными были песни о Суворове, Потемкине, Кутузове, Платове. Сатирическими красками рисуется образ Наполеона.

Песни об Отечественной войне 1812 г. проникнуты духом патриотизма и свидетельствуют о пробуждении национального самосознания, понимания народом освободительного характера войны с Наполеоном. В песнях исторически достоверно изображаются все этапы войны: сражение под Смоленском, Бородинская битва (известно около двадцати вариантов песен о ней), необходимость оставить Москву, ее разорение врагами, переправа через Березину и Вислу, бой под Лейпцигом, взятие Парижа. События в песнях разворачиваются с письма Наполеона, где он требует: «Припаси-ка ты мне квартир-квартир, ровно сорок тысяч!» Кутузов обещает встретить французов «пиром» (как век назад Петр I шведов), где столиками будут «пушки медные», скатертями – «вольны пули», на закуску – «картечь», угощать будут «канонерушки», а провожать – «козачушки». В песнях с эпическим размахом описывается сражение двух армий:

Не две тучушки, не две грозные вместе сходилися —
Две армейушки превеликие вместе съезжались,
Французская армейушка с российскойю.

После кровопролитных боев Кутузов дает приказ оставить Москву. Песни о разорении Москвы напоминают былинные описания разорения ордынцами русских городов:

Оттого Москва загорелася, Мать сыра-земля потрясалася, Все Божьи церкви развалилися... Златы маковки покаталися.

В песнях речь идет о том, что Кутузов ободряет солдат, призывает их побеждать французов. Русские войска преследуют французов, покидающих сгоревшую Москву. Занявшие Париж русские солдаты и казаки сравнивают его с Москвой, прославляя родной город:

«Не хвались-ко, вор-француз,

Своим славным Парижом!
Как у нас ли во России
Есть получше Парижа:
Есть получше, пославнее,
– Распрекрасна жизнь Москва.»

Чрезвычайно популярным в песнях об Отечественной войне 1812 г. был Платов – атаман Донского казачьего войска, совершивший во время Бородинского сражения рейд в тыл противника. Возможно, этот исторический факт повлиял на создание песни «Платов в гостях у французов». Переодетый, он пробирается к французам, а когда догадывается, что его опознали,

На коня Платов садился, Как соколик ясный взвился, Под окошко подбежал, Таковы слова сказал: «. Не умела ты, ворона, Сокола в руках держать, Что ясного сокола Платова-казака».

Песни второй половины XIX в. посвящены Крымской войне, героической обороне Севастополя. Солдаты понимают подоплеку политических интриг европейских стран:

Распроклятый француз-англичанин, Возмутил ты чалму на нас.

Несмотря на осадное положение, голод, отсутствие соли и табака, сплошной огонь, «картечь», «ядра», «пули», «бомбы», солдаты готовы встретить врага в штыки и отдать свои жизни за Россию.

В песне «Русские охраняют балтийские берега» солдаты в ожидании нападения англичан приглашают их на пир-битву:

Ты попробуй русской булки, Русский любит угощать.

В конце XIX в. жанр исторических песен угасает. Исторические события XX в. находят свое отражение в авторских песнях и частушках.

Одновременно с историческими песнями возникают баллады – эпические песни с семейно-бытовой тематикой, в основе которых лежат трагические конфликты. В центре внимания баллад – индивидуальные судьбы людей, в силу исторических или социальных условий попавших в безвыходное положение. В исторических балладах человек или члены семьи попадают в трагическую ситуацию в особых исторических условиях (нашествие врага, война). О них мы уже говорили, размышляя об исторических песнях. В любовных и семейных балладах конфликт возникает между девушкой и молодым человеком или же между членами семьи на почве любовных или семейных отношений, в социальных балладах причина трагического конфликта – в социальном неравенстве.

Сюжеты баллад о любовных и добрых отношениях построены на конфликтах, связанных с молодым человеком и девушкой, причем лишь одна баллада, «Василий и Софья», повествует о взаимной любви героев, погубленных матерью Василия. На могиле влюбленных вырастают деревья и переплетаются ветвями, символизируя победу любви над смертью. В большинстве же любовных баллад девушка гибнет от руки молодца, за которого она не хочет выйти замуж («Дмитрий и Домна», «Устинья», «Параня»), бывает обманута и гибнет или страдает («Казак и шинкарь», «Похищение девушки»). Иногда девушка кончает жизнь самоубийством, чтобы не стать женой нелюбимого (некоторые варианты баллады «Дмитрий и Домна»), будучи обманутой, топится («Обманутая девушка») или убивает ребенка («Монашенка топит ребенка»).

Самая большая и наиболее популярная группа семейных баллад – о трагических конфликтах между мужем и женой. Обычно жена гибнет от руки мужа («Князь Роман жену терял», «Муж жену губил», «Федор и Марфа», «Оклеветанная жена»). Жена губит мужа в балладах:

«Жена мужа зарезала (повесила, сожгла)». Довольно большая группа баллад повествует о взаимоотношениях брата и сестры. В ряде баллад братья опекают сестру и сурово карают ее за нарушение нравственности («Король и девушка», «Алеша и сестра двух братьев»). Теме отравления брата сестрой посвящен ряд баллад, в которых сестра иногда убивает брата по ошибке или же для того, чтобы он не мешал ей встречаться с любовником. Тема инцеста (кровосмешения) встречается в балладах о брате и сестре («Охотник и его сестра», «Брат женился на сестре») и о матери и сыновьях («Дети вдовы»).

В социальных балладах, как правило, социальный конфликт переплетен с семейным. Важное место среди них занимают баллады о трагическом конфликте как результате социального неравенства («Молодец и королева», «Князь Волконский и Ваня-ключник», «Любила княгиня камер-лакея»), а также о разбойниках («Муж-разбойник», «Братья-разбойники и сестра»).

В ряде баллад трагическое не имеет возвышенного характера, то есть связано не с высокими целями, патриотическими или нравственными подвигами, а с низкими, узко личными стремлениями, имеют бытовую основу. Муж убивает жену, узнав, что она в его отсутствие плохо вела хозяйство («Оклеветанная жена»), князь губит девушку, не отвечающую ему взаимностью, чтобы она «никому не досталась». Непримиимость противоречий вызывает острые столкновения и применение отрицательными персонажами решительных, жестоких средств. Трагическое проявляется обычно в преступлении (убийстве, отравлении, направленном против невинной жертвы). К балладе вполне может быть отнесено высказывание Аристотеля по поводу героев трагедии: «Пусть герой будет представлен таким, каким никто не пожелал бы быть». В отличие от античных трагедий, где поступки отрицательных персонажей часто объясняются волей Богов, судьбой, роком, героев баллады к злодеянию ведут такие черты характера, как мстительность, подозрительность, неумение обуздать свой буйный нрав. Трагизм в балладах зависит не только от характера персонажей, но и от обстоятельств, вызванных неустроенностью окружающего мира. Обманутая девушка вынуждена утопить родившегося ребенка, чтобы спастись от позора. Поведение людей в балладах расценивается с позиций верной, идеальной семьи – в этом проявляется моральный аспект трагического. Баллада, как и образцовая трагедия (по Аристотелю), представляет собой переход от счастья к несчастью безнравственного, отрицательного героя, и в этом также раскрывается ее моральный аспект.

Страдание и гибель положительного персонажа и раскаяние убийцы вызывает у слушателей своеобразную эмоциональную реакцию, сходную с аристотелевским катарсисом: сочувствие, сострадание, нравственное очищение, осознание бесчеловечности зла, размышления и оценку действующих лиц. В балладах не всегда прослеживается трагическая вина героя, а также не всегда объясняется, чем невинно гонимая жертва навлекла на себя ненависть злодея. Это связано со спецификой фольклора, стремящегося к предельной типизации явлений. И все же во многих балладах мы можем обнаружить трагическую вину героев. В балладе «Оклеветанная жена» разъяренный муж отрубает жене голову. Он поступает сознательно, но неумышленно, действует несправедливо, не будучи несправедливым вообще. К трагическому поступку его подтолкнуло состояние аффекта, возникшего в результате ошибочного знания. Мать Василия («Василий и Софья») желает избавиться от недостойной, с ее точки зрения, избранницы сына. Пытаясь ее погубить, она не подозревает, что сын разделит с возлюбленной отравленное питье. Здесь проявляется новый аспект трагического: «Несправедливый не должен быть счастливым», – считал Аристотель. Подобная мысль своеобразно реализуется во многих балладах: злодей, убивая ненавистное ему лицо, невольно губит и любимого человека.

Искусство трагического в балладах состоит в умении их творцов увидеть трагическое в жизни и передать его в поэтически обобщенной форме с большим эмоциональным напряжением. Своеобразное сочетание эпичности и драматизма усиливает эстетическое воздействие трагического, чему в немалой степени способствует и предельная сжатость драматиче-

ских моментов. Балладе в известной мере свойственно бесстрашие, которое Пушкин считал необходимым для драматического писателя. О событиях повествуется суровым, объективным тоном, а в самых напряженных моментах повествование прерывается диалогом или монологом. Искусство трагического ярко раскрывается в изображении отношения к страшному как к обыкновенному (хладнокровно и уверенно отравительница готовит яд; обстоятельно описано истязание снохи свекровью в бане). Именно такое отношение потрясает слушателей.

Сила эмоционально-эстетического воздействия баллад заключается в искусстве трагического противопоставления жизни и смерти, дающего возможность глубже осознать радость бытия и пережить очищающее душу сострадание к гибнущему. Очень тонко отметил сущность возвышенного в трагическом немецкий философ Н. Гартман: «Не гибель добра как таковая является возвышенной, а само добро в своей гибели озарено возвышенным. И чем яснее отражается гибель в страданиях и в поражении борющегося, тем больше усиливается обаяние трагического».

Известный фольклорист и писатель Д. М. Балашов включил в свой сборник народных баллад не только песни с трагическим конфликтом, но и сюжетные песни сатирического или юмористического характера (как это делается на Западе, в частности, в Англии). Эти различные по складу и предназначению произведения объединяются под общим названием «скоморошины», заимствованным у самих исполнителей этих песен. Название это подразумевает, что подобные песни предположительно восходят к творчеству древнерусских скоморохов (конечно, они владели обширным фольклорным репертуаром – скоморошины составляли лишь часть его).

Если рассматривать современное состояние русского фольклора, то скоморошины принадлежат к его реликтовым жанрам. Не случайно большинство текстов значительной части сюжетов скоморошин находится в источниках XVIII–XIX вв. (сборник Кириши Данилова, рукописные песенники XVIII и XIX вв., сборники Киреевского, Рыбникова, Шейна и т. д.). К настоящему времени из круга текстов, относящихся к скоморошинам, встречаются чаще всего небылицы, функционирующие как плясовые песни или перешедшие в детский фольклор и используемые как прибаутки. В сборнике Кириши Данилова, однако, скоморошины занимают заметное место и по своему тематическому и стилистическому своеобразию легко отличимы от прочих текстов (более того, в этом фольклорном собрании зачастую и в «серьезных» текстах заметно влияние стиля скоморошин, вследствие чего ученые неоднократно писали о его скоморошьем характере, а, возможно, и происхождении).

Прежде всего среди скоморошин выделяются эпические («скоморошьи старины», «старинны-фабльо», «шутовые старины» – А. Д. Григорьев; «былины скоморошьего склада» – А. М. Лобода; «былины-скоморошины» – В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов – правда, их же – по крайней мере некоторые из них – они называют «скоморошьими балладами»). Именно эти скоморошины лучше всего были описаны и исследованы фольклористами, однако эпические скоморошины – одни из самых редких текстов в русском фольклоре: так, например, «Гость Терентище» – самая «классическая» эпическая скоморошина – известен всего в шести записях; «Старец Игренище» – в трех, из которых к тому же одна неполная, а одна – незначительный фрагмент текста, функционирующий как игровая песня; «Сергей хорош» представлен единственным вариантом и т. д. Эпические скоморошины по стилю соотносятся с былинами; однако они не пародируют стиля былин, а просто применяют его при повествовании о событиях иного уровня, чем былины. Особенностью этих песен является их сюжетная близость к бытовым сказкам; с известной долей условности их можно даже назвать распетыми на манер эпических песен сказками (вследствие чего именно к этому типу скоморошин более всего подходит термин А. Д. Григорьева «старинны-фабльо»).

Ко второму типу скоморошин принадлежат тексты, обнаруживающие близость – и по сюжету, и по функции – с частыми лирическими (плясовыми или игровыми) песнями.

Необходимо заметить, однако, что и скоморошины эпического типа также исполнялись обычно не на былинный напев, т. е. уже изначально отличались от былин (например, эпические скоморошины в сборнике Кирши Данилова пелись на мотив, близкий «Камаринской»), однако поэтический стиль их близок былинам, а композиция сюжета – сказкам. Скоморошины же второго типа (условно назовем их «плясовыми») отличаются от эпических скоморошин как стилем, так и тем, что «сквозной», заверченный сюжет в них может отсутствовать. В них зачастую наличествует цепь отдельных сюжетных ситуаций, объединенных общим насмешливым (а иногда и глумливым) отношением к изображаемой действительности; помимо этого общего отдельным фрагментам текста эмоционального тона (ср. «Былинку» из д. Римская на Пудогге, «Мизгирь» в контаминированном⁸ варианте из сборника П. Н. Рыбникова, непристойные «Свиньи хрю, поросята хрю» и «Стать почитать, стать сказывать» у Кирши Данилова), необходимо отметить особый художественный мир этих скоморошин – мир абсурдов, перевертышей, забавных и едва ли возможных в действительности ситуаций. Иногда в «орбиту» такой плясовой скоморошины вовлекаются фрагменты текстов иного жанрового происхождения – возникают большие контаминированные тексты. Тексты исконно иных жанров, начиная функционировать в составе скоморошин, утрачивают свойственную лирике многослойность содержания (символизм, иносказательность и т. д.) и «работают» на создание особой, специфической для скоморошин, художественной реальности. В состав подобных текстов могут включаться также песни о деревнях и их жителях (иногда функционирующие и отдельно, не как плясовые песни и скоморошины) и, хотя и редко, о реальных происшествиях, случившихся в какой-либо местности и запомнившихся жителям. Особой разновидностью второго типа являются скоморошины-небылицы, художественный мир которых нарочито противопоставлен реальности. По композиции они представляют собой нанизывание небольших однотипных эпизодов с нереальным содержанием (например, классическая «Небылица, небывальщина» М. Д. Кривополеновой). Для скоморошин второго типа характерно наличие связанных с ними сюжетно и на уровне художественного мира и системы персонажей соответствий среди лирических песен: таковы пары «Травник» – «Лунек» (игровая песня), «Повесть о Ерше Ершове сыне Щетиннике» – «Ерш Ершович» (игровая песня), «Старина о большом быке» – «Бычок» (плясовая песня с обрядовыми корнями).

Наконец, третьим, причем наиболее пестрым, типом скоморошин, содержащим несколько подтипов, являются скоморошины-пародии. Надо отметить, впрочем, что пародийные элементы встречаются практически во всякой скоморошине (имеется в виду пародия стиля и вообще художественной формы произведения – а по содержанию всякую скоморошину можно счесть пародией на действительность) – но для большинства скоморошин пародия на какой-либо «серьезный» жанр не является целью – она средство создания комического эффекта, причем для этого хватает пародии отдельных элементов стиля и поэтических средств. В части же текстов пародия выступает как основной художественный прием и цель создания текста. В композиционном отношении такие скоморошины воспроизводят жанровый канон пародируемого произведения (духовного стиха – «Жил-был моторный», «Старец во пустынюшке спасался»; Богослужебного песнопения – пародии на Пасхальный канон, акафист матери кукурузе и т. д.; христославения; заговоры; некоторые из них пародируют былинный стиль: ср. в «Агафонушке» – «Высока ли высота потолочная, глубока глубота подпольная.»; в «Старине о льдине» – «Как во славном во городе во туесе, да за крепкой стеной было – за жерновом.»; «Как во славном во Нижове» и пр.; имеются пародии на свадебный и похоронный обряды и обрядовый фольклор – «Свадьба совы», пародии на причитания, приговоры, свадебные указы и росписи приданого; пародируются, наконец, и письменные формы народной культуры – известны пародийные травники и лечебники, челобитные – более всего таких пародий в

⁸ Контаминация – соединение частей разных фольклорных текстов в одном произведении.

составе древнерусской литературы, однако есть и записи их в устном бытовании, хотя обычно воспроизведение это ограничивается фрагментом и не создается текста, равного по масштабу исходному объекту пародии).

Действие нескольких скоморошин происходит в мире птиц. Птицы занимают важное место в мифологии и символике народов мира; в русском фольклоре птичьи образы-символы свойственны свадебной обрядовой поэзии и лирическим песням. В науке отмечено, что среди образов-символов птиц различаются «хорошие» («божьи» – голубь, орел, лебедь и т. д.) и «плохие» (ворон, сова, филин, воробей и т. п.), несущие угрозу, пророчащие беду; в образе этих «плохих» птиц могут получать воплощение различные пороки людей.

В скоморошине «Свадьба совы» перенесение свадебного обряда в мир птиц и «антиповедение» действующих лиц по сравнению с традиционным обрядом и создают комизм сюжета. При формальном следовании основным этапам свадьбы им дается комическое наполнение: главные персонажи ведут себя ровно наоборот по сравнению с тем, что положено делать в соответствующие моменты свадьбы. В скоморошине пародирование имеет целью не осмеяние свадьбы, а создание комического эффекта за счет несоответствия обрядовой форме содержания – поведения, поступков действующих лиц, в которых нарочито нарушаются все устои обряда. Но принцип зеркального отражения обряда, выворачивания его наизнанку проведен гораздо более широко – скоморошина создает также образ целого мира, противоположного идеализированному миру подлинной свадьбы, – антимира.

Некоторые скоморошины тесно связаны с древнерусской литературой. «Старина о птицах» является едва ли не наиболее заметным произведением из скоморошин этой разновидности. Она сохранилась до настоящего времени, дойдя в нескольких десятках вариантов, обнаруженных, как в устном бытовании, так и в рукописных песенниках начиная с XVIII века.

В наиболее сохранных вариантах композиция «Старины о птицах» состоит из трех частей: двух довольно компактных, плавно переходящих одна в другую, и третьей, содержащей собственно описание «птичьего царства», которая может простирается до весьма дальних пределов. Первая и наиболее компактная часть «Старины о птицах» – краткое изложение годового хода времени, картина череды перемен природы, окружающей крестьянина. О тяготах жизни здесь нет и речи; кратко обрисованный мир устроен во благо человека. За этой картиной мироздания «Старина о птицах» переходит к устройству человеческого общества; вторая часть трехчастной композиции этого произведения изображает человечество упорядоченным от самого верха общества до низов его. Далее пойдет изображение собственно «птичьего царства»; показательно, что к его началу тон произведения становится шутивным: не выходя из пределов изображения «нормативного», идеального общества, в котором каждый занимает положенное ему место (цари на царстве, попы на погосте и пр.; очень характерны добрые молодцы, разъезжающие по чистым полям, словно ясные соколы), старина в один ряд с царями, королями и боярами ставит молодцов, обнимающихся на перинах с молодцами, малых ребят, спящих «по зенькам», и старых баб, о которых всему миру объявляется, что место им на печи, возле кринки с тестом.

Птичье царство, где «все при деле», оказывается безрадостным местом, где правит «глупая власть нерассудна», которая «горазно обижает» сырых и убогих, а большинство трудов, подъемлемых гражданами этого сообщества, пропадают даром и не приносят плода. Сапожник без сапог, перевозчик, который «мост мостить не знает», настоятель – разоритель монастыря; вдова, принужденная или жить в нищете и всеобщей обиде, когда «животы у ней даром пропадают», или вести распутную жизнь, как кошка, которая днем «на печки», а ночью «на добычки»; лживая молодница и бранливая злодейка свекровь, которая «сорому-остуды не боится», – вот ряд персонажей повествования «Старины о птицах», перебиваемого возгласами «Ох, тошнехонько, ох тяжеленько!» Под стать этому и концовка произведения, изображающего его исполнителей нищими и голодными бродягами, живущими подаянием. «Птицы русские»,

напротив, обрисованы так, что в них легко узнать образ благополучных и недалеких людей, считающих мир и общество благоустроенными; именно против таких возможных слушателей и обращено в первую очередь это произведение, которое наряду с «Повестью о Горе-Злосчастьи» являет пример древнерусских соответствий литературе европейского барокко XVII в., создававшей мрачный образ неустроенного и наполненного бедами мира.

Ученые неоднократно высказывали мысль о том, что общность скоморошин «есть прежде всего общность стиля».⁹ Стиль, однако, не следует понимать лишь как совокупность языковых приемов и устойчивых формульных выражений, присущих произведениям фольклора в целом или каким-либо из его жанров, – это специфическая характеристика всей формальной стороны произведения, т. е. не только его языка, но и художественного мира и системы персонажей, – иными словами, это своеобразие взгляда на мир и отображения его в произведении того или иного жанра фольклора. Стиль, который может быть условно назван «скоморошьям», проявлялся прежде всего, конечно, в собственно скоморошинах, но при всем том, будучи не только свойством фольклорного текста, но и принадлежностью мировоззрения и склада характера человека – исполнителя и творца фольклора, – накладывал отпечаток на все его творчество, не исключая и «серьезных» жанров. Таким образом, репертуар древнерусского ли профессионального скомороха или в более позднее время просто деревенского весельчака характеризовался особым «оттенком» стиля и в «серьезной» своей части. Подобные выводы сделали ученые, исследовавшие сборник Кириши Данилова и пришедшие к заключению о его скоморошьем происхождении или, по крайней мере, характере; то же можно сказать и о репертуаре знаменитой пинежской сказительницы М. Д. Криволеновой.

Основной особенностью стиля скоморошин является их нарочитая пародийность. Пародия при этом, как и в древнерусской литературе, направлена не на осмеяние исходного текста или жанра, а служит самостоятельным средством создания комического эффекта (поэтому некоторые ученые употребляют термин «травестирование» вместо «пародирование»).

Специфической чертой, объединяющей пародийный стиль скоморошин и древнерусской литературы, является также и балагурство – основанное на созвучии слов построение фразы, своего рода пустословие, искажающее и обесмысливающее высказывание. Сравним: «восемь дворов крестьянских промеж Лебедяни, на старой Рязани, не доезжая Казани, где пьяных вязали» («Роспись о приданом»), «А нам, Богомольцам твоим, и так несладко: редька да хрен да чашник старец Ефрем» («Калязинская челобитная») – «Совсем сова бравая, зарецкая барыня, Савельевна-Саввишна, вчерашняя, давешна», «А слава те, Богу, на леваю ногу!» («Свадьба совы») и пр.

К особенностям стиля как специфики формальной стороны произведения мы относим и ярко своеобразный художественный мир скоморошин; как предметно-вещный мир, так и их система персонажей, и хронотоп весьма отличны от встречаемых в других жанрах. Художественный мир скоморошин является антимиром по отношению к идеализированному миру русского фольклора, его герой наг, бос, глуп, безобразен, причем это безобразие скоморошиной восхваляется как достоинство. Нормы поведения в этом мире противоположны общепринятым. Качества, привычки и занятия персонажей совершенно бесполезны и нецелесообразны с точки зрения здравого смысла: они «гузном с полатай сажу метут», «говорят быстро, плюют далече» и т. д. Если скоморошина излагается от первого лица, то в ней присутствует подобного же рода образ автора, соответствующий всему ее перевернутому, искаженному миру. Этот мир подчеркнуто противопоставлен идеализированному художественному миру русского фольклора.

Русский песенный эпос, создававшийся в течение веков многими поколениями сказителей, вобрал в себя историческую память и мудрость русского народа, сохранил для нас настав-

⁹ В. Я. Пропп. Жанровый состав русского фольклора // В. Я. Пропп. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 41

ления, чаяния и творческий дух далеких предков. Многочисленные переиздания, переводы на языки разных народов мира свидетельствуют о высоких художественных достоинствах нашего песенного эпоса, неослабевающим интересе к этому жанру, прочно занявшему свое место в сокровищнице духовного наследия человечества.

Былины

Волх Всеславьевич

По саду, саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с камени скочила на лютого на змея -
Обвивается лютый змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А в та поры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Волх Всеславьевич:
Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индейское,
А и синее море сколебалося
Для-ради рожденья богатырского
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.
А и будет Волх в полтора часа,
Волх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не в поясай в поесья шелковые,
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».
А и будет Волх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать,
Письмо ему в наук пошло.
А и будет Волх десяти годов,
В та поры поучился Волх ко премудростям:

А и первой мудрости учился
Обвертываться ясным соколом;
Ко другой-та мудрости учился он, Волх,
Обвертываться серым волком;
Ко третьей-та мудрости-то учился Волх,
Обвертываться гнедым туром – золотые рога.
А и будет Волх во двенадцать лет,
Стал себе Волх он дружину прибирать:
Дружину прибирал в три года,
Он набрал дружину себе семь тысячей;
Сам он, Волх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейский царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А Божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри розорить.
А в та поры Волх, он догадлив был:
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Волх не спит:
Он обвернется серым волком,
Бегал, скакал по темным по лесам и по раменью,
А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы – любимый кус,
Он зайцам, лисицам не брезговал;
Волх поил-кормил дружину хоробрую,
Обувал-одевал добрых молодцев,
– Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые:
Дружина спит, так Волх не спит:
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей.
А и серым, малым уткам спуску нет;
А поил, кормил дружинушку хоробрую,
А всё у него были ества переменные,
– Переменные ества сахарные.
А стал он, Волх, вражду чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много, не мало вас – семь тысячей.
А и есть ли у вас, братцы, таков человек,
Кто бы обвернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,

Про царя Салтыка Ставрुльевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
Как бы лист со травую пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нет у нас такого молодца,
Опричь тебя, Волха Всеславьевича».
А тут таковой Всеславьевич,
Он обвернулся гнедым туром – золотые рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первый скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти.
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому,
И будет он во царстве Индейском,
И сел он в палаты белокаменны,
На те на палаты царские,
Ко тому царю Индейскому
И на то окошечко косящатое.
А и буйны ветры по насту тянут,
Царь со царицею в разговоры говорит;
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славный Индейский царь!
Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
Про то не знаешь, не ведаешь:
А на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе, царю, сопротивничек».
А в та поры, Волх, он догадлив был!
Сидючи на окошке косящатом,
Он те-то-де речи повыслушал;
Он обвернулся горносталем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем высоким теремам.
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал,
А всё он в землю закапывал.
Обвернется Волх ясным соколом,
Взвился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, так Волх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцев:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать:
Пойдем мы ко царству Индейскому».

И пришли они ко стене белокаменной;
Крепка стена белокаменна.
Ворота у города железные,
Крюки, засовы всё медные,
Стоят караулы денны-нощны,
Стоит подворотня – дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезано,
А и только в вырезу мурашу пройти.
И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасные!
А и как нам будет стену пройти?»
Молоды Волх, он догадлив был:
Сам обвернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли они стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,
В славном царстве Индейском;
Всех обвернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною.
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена;
Оставьте только вы по выбору,
Ни много ни мало – семь тысячей
Душечки красны девицы».
А и ходит его дружина по царству Индейскому,
А и рубит старого, малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А сам он, Волх, во палаты пошел,
Во те палаты царские,
Ко тому царю ко Индейскому.
Двери были у палат железные,
Крюки, пробой по булату злачены.
Говорит тут Волх Всеславьевич:
«Хотя нога изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железные —
Изломал все пробой булатные.
Он берет царя за белы руки,
А славного царя Индейского Салтыка Ставрुльевича,
Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то царей, не бьют, не казнят».
Ухватя его, ударил о кирпичатый пол,
Расшиб его в крохи г...
И тут Волх сам царем насел,

Взявши царицу Азвяковну,
А молоду Елену Александровну,
А и та его дружина хоробрая
И на тех девицах переженилися;
А и молодой Волх тут царем насел,
А то стали люди посадские;
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.

Вольга и Микула

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга растеть-матереть;
Похотелоя Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темные леса.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков, нелегченныхых.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая:
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешки но камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день ещё до пабедья,
А наехали в чистом поле оратая:
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пенье, коренья вывертывает,
А большие-то каменя в борозду валит,
У оратая кобыла соловая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются;
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя;
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати,
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
«Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко,
Орать, да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да пометывати,
А пенья, коренья вывертывати,
А большие-то каменя в борозду валить!»
Говорит оратай таковы слова:
«Поди-ка ты, Вольга Святославович,
Мне-ка надобно Божья помочь крестьяновати!
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?»
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Как пожаловал меня да родный дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольнекиевский,
Тремя ли городами со крестьянами
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем;
Теперь еду к городам да за получкою».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы,
Да потопят ты в реку да во Смородину.
Я недавно там был в городе, третьего дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд,
А тут стали мужички с меня грошов просить;
Я им стал-то ведь грошов делить,
А грошов-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь да больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи;
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит».
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Ты поедem-ка со мною во товарищах». А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается,
У оратая кобыла ступыб пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Говорит оратай таковы слова:
«Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет – взять нечего,
А богатый – тот наедет, не позарится,
– А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути,
Да бросить сошку за ракитов куст?»
Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцев да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцев да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой;
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Цельим он да ведь десятчком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой;
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
«Ты постой-ка ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей;
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы».
Тут проговорит Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отечеству?»
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»
Тут приехали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати,
Стали города рассматривати,
А ребята-то стали поговаривати:
«Как этот третьего дни был да мужичков он бил!»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися они да думу думати:
Как бы прийти да извинитися,
А им низко бы да поклонитися.
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты, Микула Селянинович!

Я жалую от себя тремя городами со крестьянами.
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ка ты дань да ведь грошовую».

Святогор и тяга земная

Едет богатырь выше леса стоячего,
Головой упирается под облако ходячее.
Поехал Святогор путем-дорогою широкою.
И по пути встретился ему прохожий.
Припустил богатырь своего добра коня к тому
прохожему,
Никак не может догнать его.
Поедет во всю рысь – прохожий идет впереди,
Ступою едет – прохожий идет впереди.
Проговорит богатырь таковы слова:
«Ай же ты, прохожий человек, приостановись
немножечко,
Не могу тебя догнать на добром коне!»
Приостановился прохожий,
Снимал с плеч сумочку
И клал сумочку на сыру землю.
Говорит Святогор-богатырь:
«Что у тебя в сумочке?»
– «А вот подыми с земли, так увидишь».
Сошел Святогор с добра коня,
Захватил сумочку рукою – не мог и пошевелить;
Стал вздывать обеими руками
– Только дух под сумочку мог пропустить,
А сам по колена в землю угрыз.
Говорит богатырь таковы слова:
«Что это у тебя в сумочку наложено?»
Силы мне не занимать стать,
А я и здынуть сумочку не могу!»
– «В сумочке у меня тяга земная».
– «Да кто ж ты есть и как тебя именем зовут,
Величают как по изогчине?»
– «Я есть Микулушка Селянинович!»

Исцеление Ильи Муромца

В славном городе во Муромле, Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косявчето.
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широких,
Сиднем сижу цело тридцать лет,
Не владаю ни руками, ни ногами».
Опять говорят калики перехожие:
«Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Пускай-то калик к себе в дом».
Выставал Илья на резвы ноги,
Отворял ворота широкие
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал;
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:
«Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею паленицею удаюю,
А только не выходи драться
С Святогором-богатырем -
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном богатырем -
У него на голове семь власов ангельских;

Не бейся и с родом Микуловым -
Его любит матушка сыра земля;
Не ходи още на Вольгу Сеславича -
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себе богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в сруб на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому.
Как станет жеребчик через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону,
Поезжай на нем, куда хочешь,
Будет носить тебя».
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
– Очистить надо пал от дубья-колоды.
Он дубье-колоды все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам и сшел домой.
Выстали отец с матерью от крепкого сна -
испужалися:
«Что это за чудо подеялось?
Кто бы нам это сработал работушку?»
Работа-то была поделана,
И пошли они домой.
Как пришли домой, видят:
Илья Муромец ходит по избы.
Стали его спрашивать,
Как он выздоровел.
Илья и рассказал им,
Как приходили калики перехожие,
Поили его питьицем медвяным -
И с того он стал владать руками и ногами
И силушку получил великую.
Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика косматенького.
Покупал Илья того жеребчика,
Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,
Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой.
И прошло поры-времени три месяца.

Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы его выкатывал;
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурушко через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону.
Тут Илья Муромец Седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшки, у матушки Прощеньице-благословеньице
И поехал в раздольице чисто поле.

Илья Муромец и Святогор

Как не далече-далече во чистом во поли,
Тута куревка да поднималася,
А там пыль столбом да поднималася, -
Оказался во поли добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь да будто лютый зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поле, спотешается,
Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднебесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.
Наезжает Святогор-богатырь
Во чистом поли он на сумочку да скоморошную.
Он с добра коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку, -
Эта сумочка да не ворохнется;
Опустился Святогор да со добра коня,
Он берет сумочку да одной рукой, -
Эта сумочка да не шевелится;
Как берет он обема рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По колен ушел да в мать сыру землю, -
Эта сумочка да не шевелится,
Не шевелится да не поднимется.
Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету еживал,
А такого чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не шевелится,
Не шевелится да не сдымается,
Богатырской силы не сдавается».
Говорит Святогор да таковы слова:
«Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла».
И взмолился он да своему коню:
«Уж ты, верный богатырский конь,
Выручай теперь хозяина».
Как схватился он да за уздечку серебряну,
Он за ту подпругу золоченую,
За то стремечко да за серебряно,
Богатырский конь да принатужился,
А повыдернул он Святогора из сырой земли.
Тут садился Святогор да на добра коня,
И поехал по чисту полю

Он ко тем горам да Араратским.
Утомился Святогор, да он умаялся
С этой сумочкой да скоморошной,
И уснул он на добром коне,
Заснул он крепким богатырским сном.
Из-под далеча-далеча из чиста поля
Выезжал старой казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он богатыря:
«Что за чудо вижу во чистом поли,
Что богатырь едет на добром кони,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко».
Как скричал Илья да зычным голосом:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты что, молодец, да издеваешься,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься,
Не ко мне ли, старому, да подбираешься?
А на это я могу ответ держать».
От богатыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом,
От богатыря да тут ответа нет.
Разгорелось сердце богатырское
А у старого казака Ильи Муромца,
Как берет он палицу булатную,
Ударяет он богатыря да по белым грудям,
А богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут да Илья Муромец,
Разъезжается он во чисто поле,
А с разъезду ударяет он богатыря
Пуще прежнего он палицей булатною,
Богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут старый казак да Илья Муромец,
А берет он шалапугу подорожную,
А не малу шалапугу – да во сорок пуд,
Разъезжается он со чиста поля,
И ударил он богатыря по белым грудям,
И отшиб он себе да руку правую.
Тут богатырь на кони да просыпается,
Говорит богатырь таково слово:
«Ох, как больно русски мухи кусаются!»
Поглядел богатырь в руку правую,
Увидал тут Илью Муромца,
Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадью да богатырской,
И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратским.

Как день он едет до вечера,
Темну ноченьку да он до утра,
И второй он день едет до вечера,
Темну ноченьку он до утра,
Как на третий-то да на денечек
Богатырский конь стал спотыкаться.
Говорит Святогор да коню доброму:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Уж ты что, собака, спотыкаешься?
Ты идти не мошь аль везти не хошь?»
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
«Как прости-тко ты меня, хозяйнушко,
А позволь-ка мне да слово вымолвить.
Третьи суточки да ног не складучи
Я вожу двух русских могучиих богатырей,
Да й в третьих с конем богатырским».
Тут Святогор-богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелешенько;
Он берет Илью за желты кудри,
Он кладет Илью да на сыру землю
Как с конем его да богатырским.
Начал спрашивать да он, выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?
Если ты богатырь святорусский,
Дак поедем мы да во чисто поле,
Попробуем мы силу богатырскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты, удалой добрый молодец!
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражаться,
Я желаю с тобой побрататься».
Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опускается,
И раскинули они тут бел шатер,
А коней спустили во луга зеленые,
Во зеленые луга они стреножили.
Сошли они оба во белой шатер,
Они друг другу порассказалися,
Золотыми крестами поменялися,
Они с друг другом да побраталися,
Обнялись они, поцеловалися,
– Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат.
Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатер да опочив держать.
И недолго, немало спали – трое суточек,

На четверты они да просыпалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.
Как седлали они да коней добрых,
И поехали они да не в чисто поле,
А поехали они да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели они да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тут да дубовый гроб.
Как богатыри с коней спустилися,
Они ко гробу к этому да наклонилися,
Говорит Святогор да таковы слова
«А кому в этом гробе лежать сужено?
Ты послушай-ка, мой меньший брат,
Ты ложись-ка во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб».
Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца большего,
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб.
Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинен и в ширину широк.
И ставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Святогор-богатырь.
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты, Илья да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты, Илюшенька да Муромец!
Мне в гробу лежать да тяжелешенько,
Мне дышать-то нечем, да тошнешенько,
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щелочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ка крышечку саблей вострую».
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому.
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обручи железные.
Начал бить Илья да вдоль и поперек,
– Все железные обручи становятся.

Говорит Святогор да таковы слова:
«Ах ты, меньший брат да Илья Муромец!
Видно, тут мне, богатырю, кончинушка.
Ты схорони меня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ка ты ко гробу ко дубовому,
Я здохну тебе да в личко белое,
У тя силушки да поприбавится».

Говорит Илья да таковы слова:
«У меня головушка есть с проседью,
Мне твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достаточно.
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сыра земля.
И не надо мне твоего коня да богатырского,
А мне-ка служит верой-правдою
Мне старой Бурушка косматенький».

Тута братица да распростилися,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонскийи.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают.
А на том былинка и закончилась.

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец;
Он стоял заутреню во Муромли,
А и к обеденке поспеть хотел он в стольный
Киев–град,
Да и подъехал он ко славному ко городу
к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А и черным-черно, как черна ворона;
Так пехотою никто тут не похаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А и побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
А и ты славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
А и по той ли по дорожке прямоезжею
Да и пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал:
Как у той ли-то у грязи-то у черной,
Да у той ли у березы у поклапяя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сиди Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей-разбойник Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли-то, от посвисту соловьего,
И от его ли-то, от покрику звериного,

То все травушки-муравы улетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А и окольной дорожкой цела тысяща».
Он пустил добра коня да и богатырского.
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко грязи он ко черной,
Да ко тое ко березе ко покляпые,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да и по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы улетались,
Да и лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонилися.
Его добрый конь да богатырский,
А он на корзни да потыкается.
А и как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
А и тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свои тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышко повез да соловьиное.
В том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А и три дочери его любимых;
Больша дочка эта смотрит во окошечко косяцато,
Говорит она да таковы слова.

«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром кони,
Да везет он мужичища-деревенщину,
Да у правого стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшко раздольицем чистым полем,
Да и везет он мужичища-деревенщину,
Да и ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичищо-деревенщина,
Да и сидит, мужик, он на добром кони,
Да и везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то и она да таковы слова.
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-тко рогатины звериные,
Да бегите-тко в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья то есть да соловьиные,
Похватили как рогатины звериные
Да и бежали-то они да и во чисто поле
К тому ли мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьицем медвяным,
Да и дарите ему дары драгоценные».
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные
А и зовут-то мужика да и деревенщину
Во то гнездышко во соловьиное;
Да и мужик-от-деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А и Владимир-князь он вышел со Божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку.
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А и тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пятау он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На всё на три, на четыре на сторонки
низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
«Ты скажи-тко, ты откулешный, дородный
добрый молодец,
Тобе как-то молодца да именем зовут,
Величают удалого по отечеству?»
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!»
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же ты, старья казак да Илья Муромец!
Да и давно ли ты повыехал из Муромля,
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»
Говорил Илья он таковы слова:
«Ай ты, славная Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муромле,
А и к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град.
Ехал мимо эту грязь да мимо черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу-ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичищо-деревенщина!
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той ли-то у грязи-то у черной
Да у славной у речки у Смородины,
А и у той ли у березы у покляпые,

У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын;
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы улетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертво лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты, Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он к стремени булатному прикованный».
То Владимир князь-от стольнокиевский,
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, собака, по-звериному».
Говорил-то Соловей ему разбойник
Одихмантьев сын: «Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил-то как Владимир-князь
да стольнокиевский: «Ай же старья казак ты, Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да и по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты в пол-свисту соловьего,
Закричи-тко ты во пол-крику звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старья казак ты, Илья Муромец,
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные:
Не могу засвистать да и по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному,
А и вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мни да зелена вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да уста мои сахарни порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья тот князю он Владимиру:

«Ты, Владимир-князь да стольнокиевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-ко к Соловью к разбойнику».
То Владимир-князь да стольнокиевский,
Он скоренько шел в столу свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-то Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то лкэдюшек, так все мертвы лежат;
А Владимир-князь-от стольнокиевский,
Куньей шубонькой он укрывается.
А и тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А и он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек»,
А тут, Соловью, ему и славу поют,
А и славу поют ему век по веку.

Илья Муромец и голи кабацкие

Славныя Владимир стольнёкиевской
Собирал-то он славный почестен пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучих богатырей;
А на пир ли-то он не позвал
Старого казака Ильи Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показалось-то великую,
Й он не знает, что ведь сделати
Супротив тому князю Владимиру.
И он берет-то как свой тугой лук розрывчатой,
А он стрелочки берет калены,
Выходил Илья он да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки Божьи церкви погуливать.
На церквах-то он кресты вси да повыломал,
Маковки он залочены вси повыстрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золочены,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».
Там доносят-то ведь князю да Владимиру:
«Ай Владимир князь да стольнёкиевской!
А ты ешь да пьешь да на честном пиру,
А как старой-от казак да Илья Муромец
Ён по городу по Киеву похаживат,
Ён на матушки Божьи церкви погуливат,
На Божьих церквах кресты повыломил.
А всё маковки он золочены повыстрелял;
А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкии!
И выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золочены,
Да и несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».
Тут Владимир-князь да стольнёкиевской
И он стал, Владимир, дума думати,
Ёму как-то надобно с Ильей помиритися.
И завел Владимир-князь да стольнёкиевской,
Он завел почестен пир да и на другой день.
Тут Владимир-князь да стольнёкиевской
Да 'ще стал да и дума думати:

«Мне кого послать будет на пир позвать
Того старого казака Илью Муромца?
Самому пойти мне-то, Владимиру, не хочется,
А Опраксию послать, то не к лицу идет».
И он как шел-то по столовой своей горенке.
Шел-то он о столики дубовьи,
Становился супротив молодого Добрынюшки,
Говорил Добрыне таковы слова:
«Ты молоденькой Добрынюшка, сходи-тко ты
К старому казаку к Ильи Муромцу,
Да зайди в палаты белокаменны,
Да пройди-тко во столовую во горенку,
На пяту-то дверь ты порозмахивай,
Еще крест клади да й по-писаному,
Да й поклон веди-тко по-ученому,
А й ты бей челом да низко кланяйся
А й до тых полов и до кирпичных,
А й до самой матушки сырой земли
Старому казаку Ильи Муромцу,
Говори-тко Ильи ты да таковы слова:
«Ай ты старья казак да Илья Муромец!
Я пришел к тебе от князя от Владимира
И от Опраксии от королевичной,
Да пришел тебе позвать я на почестен пир».
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Ён скорешенько-то стал да на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинуд на одно плечко,
Да он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил он со столовыи со горенки,
Да й прошел палатой белокаменной,
Выходил Добрыня он на Киев-град,
Ён пошел-то как по городу по Киеву,
Пришел к старому казаку к Илье Муромцу
Да в его палаты белокаменны.
Ён пришел как во столовую во горенку,
На пяту-то он дверь да порозмахивал,
Да он крест-от клал да по-писаному,
Да й поклоны вел да по-ученому,
А 'ще бил-то он челом да низко кланялся
А й до тых полов и до кирпичных,
Да й до самой матушки сырой земли.
Говорил-то ён Илье да таковы слова:
«Ай же, братец ты мой да крестовый,
Старья казак да Илья Муромец!
Я к тоби послан от князя от Владимира,
От Опраксы королевичной,
А й позвать тебя да й на почестен пир».
Еще старый-от казак да
Илья Муромец Скорешенько ставал он на резвы ножки,

Кунью шубоньку накиннул на одно плечко,
Да он шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовыи со горенки,
Да прошли они палатой белокаменной,
Выходили-то они на стольний Киев-град,
Пошли оны ко князю к Владимиру
Да й на славный-от почестен пир.
Там Владимир-князь да стольнёкиевской
Он во горенки да ведь похаживал,
Да в окошечко он, князь, посматривал,
Говорил-то со Опраксой-королевичной:
«Пойдут-ли ко мне как два русских богатыря
Да на мой-от славный на почестен пир?»
И прошли они в палату в белокаменну,
И взошли они в столовую во горенку.
Тут Владимир-князь да стольнёкиевской
Со Опраксией да королевичной
Подошли-то они к старому казаку к Илье Муромцу,
Они брали-то за ручушки за белые,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же, старья казак ты, Илья Муромец!
Твое местечко было да ведь пониже всех,
Топерь местечко за столиком повыше всех!
Ты садись-ко да за столик за дубовый».
Тут кормили его ествушкой сахарнею,
А й поили питьцем медвяным.
Они тут с Ильей и помирились.

Илья Муромец и Идолище в Киеве

Ай во славном было городе во Киеви
Ай у ласкового князя у Владимира
Ишше были-жили тут бояры кособрюхие,
Насказали на Илью-ту всё на Муромця,
– Ай такима он словами похваляется:
«Я ведь князя-та Владимира повыживу,
Сам я сяду-ту во Киев на его место,
Сам я буду у его да всё князём княжить».
Ай об этом они с князем прироспорили.
Говорит-то князь Владимир таковы речи:
«Прогоню тебя, Илья да Илья Муромец,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва,
Не ходи ты, Илья Муромец, да в красён Киев-град».
Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
«А ведь придет под тебя кака сила неверная,
Хоть неверна-та сила бусурманьская,
– Я тебя тогды хошь из неволюшки не выруцю».
Ай поехал Илья Муромец в цисто полё,
Из циста поля отправился во город-от во Муром-то,
Ай во то ли во село, село Качарово
Как он жить-то ко своёму к отцу, матушки.
Он ведь у отца живет, у матушки,
Он немало и немного живет – три года.
Тут заслышал ли Идолишшо проклятоё,
Ище тот ли царишше всё неверноё:
Нету, нет Ильи-то Муромця жива три годицька.
Ай как тут стал-то Идолишшо подумывать,
Он подумывать стал да собираться тут.
Насбирал-то он силы всё тотарьскою,
Он тотарьскою силы, бусурманьскою,
Насбирал-то он ведь силу, сам отправился.
Подошла сила тотарьска-бусурманьская.
Подошла же эта силушка близехонько
Ко тому она ко городу ко Киеву.
Тут выходит тотарин-от Идолишшо всё из бела шатра,
Он писал-то ёрлычки всё скорописчаты,
Посылает он тотарина поганого.
Написал он в ёрлычках всё скорописчатых:
«Я зайду, зайду Идолишшо, во Киев-град,
Я ведь выжгу-то ведь Киев-град, Божьи церкви;
Выбирался-то штобы князь из палатушек, -
Я займу, займу палаты белокаменны.
Тольки я пушшу в палаты белокаменны,
Опраксеюшку возьму всё Королевисьню.
Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,
Я на кухню-ту поставлю на меня варить».

Он тут скоро тотарин-от приходит к им,
Он приходит тут-то тотарин на широкий двор,
С широка двора – в палаты княженецькия,
Он ведь рубит, казнит у придверницьков всё буйны головы;
Отдаваёт ёрлычки-то скорописчаты.
Прочитали ёрлыки скоро, заплакали,
Говорят-то – в ёрлычках да всё описано:
«Выбирайся, удаляйся, князь, ты из палатушек,
Наряжайся ты на кухню варить поваром».
Выбирался князь Владимир стольнекиевской
Из своих же из палатушек крутешенько;
Ай скорешенько Владимир выбирается,
Выбирается Владимир – сам слезами уливается.
Занимает [Идолище] княженевськи все палатушки,
Хочет взять он Опраксеюшку себе в палатушку.
Говорит-то Опраксеюшка таки речи:
«Уж ты гой еси, Идолище, неверной царь!
Ты поспеешь ты меня взять да во свои руки».
Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:
«Я уважу, Опраксеюшка, ещё два деницька,
Церез два-то церез дня как будёшь не княгиной ты,
Не княгиной будешь жить, да всё царицею».
Рознемогся-то во ту пору казак да Илья Муромець.
Он не мог-то за обедом пообедати,
Розболелось у его всё ретиво сердце,
Закипела у его всё кровь горячая.
Говорит-то всё Илья сам таковы слова:
«Я не знаю, отчего да незамог совсим,
Не могу терпеть жить-то у себя в доми.
Надо съездить попроведать во чисто полё,
Надоть съездить попроведать в красен Киёв-град».
Он седлал, сбирал своёго всё Белеюшка,
Нарядил скоро своёго коня доброго,
Сам садился-то он скоро на добра коня,
Он садился во седельшко чиркальской,
Он ведь резвы свои ноги в стремена всё клал.
Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромець,
Илья Муромец поехал, свет Иванович.
Он приехал тут да во чисто полё,
Из чиста поля поехал в красен Киёв-град.
Он оставил-то добра коня на широком двори,
Он пошел скоро по городу по Киеву.
Он нашел, нашел калику перехожую,
Перехожую калику переброжую,
Попросил-то у калики всё платье каличьёго.
Он ведь дал-то ему платье всё от радости,
От радости скинывал калика платьицё,
Он от радости платье от великою.
Ай пошел скоро Илья тут под окошечько,

Под окошецько пришел к палатам белокаменным.
Закричал же он, Илья-та, во всю голову,
Ишше тем ли он ведь криком богатырским тут.
Говорил-то Илья, да Илья Муромець,
Илья Муромець да сам Ивановиць:
«Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милостинку,
Ай подай-ко, подай милостинку мне спасеную,
Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного.
Ради Матери Божьей, царици Богородици».
Говорит-то Илья, да Илья Муромець,
Говорит-то он, кричит всё во второй након:
«Ай подай ты, подай милостину спасеную,
Ай подай-ко-се ты, красно мое солнышко,
Уж ты ласковой подай, да мой Владимир-князь!
Ай не для-ради подай ты для кого-нибудь,
Ты подай-ка для Ильи, ты Ильи Муромця,
Ильи Муромця подай, сына Ивановиця».
Тут скорехонько к окошецьку подходит князь,
Отпират ему окошецько косисцято,
Говорит-то князь да таковы речи:
«Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-ту всё, калика, не по-прежнему,
Не по-прежнему живу, не по-досельнѣму,
– Я не смею подать милостинки всё спасеную.
Не дават-то ведь царишшо всё Идолишшо
Поминать-то он Христа, царя небесного,
Во вторых-то поминать да Илью Муромця.
Я живу-ту, князь – лишился я палат все белокаменных,
Ай живет у мня поганое Идолишшо
Во моих-то во палатах белокаменных;
Я варю-то на его, всё живу поваром,
Подношу-то я тотарину всё кушанье».
Закричал-то тут Илья да во третьей након:
«Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне выйди,
Не увидели штобы царишша повара, его.
Я скажу тебе два тайного словечушка».
Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,
Он выходит на широку светлу улоцьку.
«Што ты, красно наше солнышко, похудело,
Што ты, ласков наш Владимир-князь ты стольнѣкиевской?
Я ведь чуть топерь тебя признать могу».
Говорит-то князь Владимир стольнѣкиевской:
«Я варю-то, всё живу за повара;
Похудела-то княгина Опраксея Королевисьня,
Она день-от это дня да всё ише хуже».
– «Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,
Еще ласков князь Владимир стольнѣкиевской!
Ты не мог узнать Ильи, да Ильи Муромця?»

Ведь тут падал Владимир во резвы ноги:
«Ты прости, прости, Илья, ты виноватого!»
Подымал скоро Илья всё князя из резвых он ног,
Обнимал-то он его своей-то ручкой правою,
Прижимал-то князя Владимира да к ретиву сердцу,
Целовал-то он его в уста сахарныя:
«Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!
Я тепере из неволюшки тебя повыручу.
Я пойду теперь к Идолишшу в палату белокаменну,
Я пойду-то к ёму на глаза-ти всё,
Я скажу, скажу Идолищу поганому.
«Я пришел-то, царь, к тебе всё посмотреть тебя».
Говорит-то тут ведь красно наше солнышко,
Што Владимир-от князь да стольнёкиевской:
«Ты поди, поди к царишшу во палатушки».
Ай заходит тут Илья да во палатушки,
Он заходит-то ведь, говорит да таковы слова:
«Ты поганое, сидишь, да всё Идолишшо,
Ишше тот ли сидишь, да царь неверной ты!
Я пришел, пришел тебя да посмотреть теперь».
Говорит-то всё погано-то Идолишшо,
Говорит-то тут царишшо-то неверное:
«Ты смотри меня – я не гоню тебя».
Говорит-то тут Илья, да Илья Муромець:
«Я пришел-то всё к тебе да скору весть принес,
Скору весточку принес, всё весть нерадостну:
Всё Илья-та ведь Муромець живёхонёк,
Ай живёхонёк всё здоровешенёк,
Я встретил всё его да во чистом поли.
Он остался во чистом поле поездить-то,
Што поездить-то ёму да пополяковать;
Завтра хочет приехать в красен Киёв-град».
Говорит ему Идолишшо, да всё неверной царь:
«Еще велик ли, – я спрошу у тя, калика, – Илья Муромець?»
Говорит-то калика-та Илья Муромець:
«Илья Муромець-то будет он во мой же рост».
Говорит-то тут Идолишшо, выпрашивает:
«Э, по многу ли ест хлеба Илья Муромець?»
Говорит-то калика перехожая:
«Он ведь кушат-то хлеба по единому,
По единому-едному он по ломтю к выти». -
«Он по многу ли ведь пьет да пива пьяного?» -
«Он ведь пьет пива пьяного всёго один пивной стакан».
Россмехнулся тут Идолишшо поганое:
«Што же, почему вы этим Ильею на Руси-то хвастают?
На долонь его положу, я другой прижму, -
Остаётся меж руками што одно мокро».
Говорит-то тут калика перехожая:
«Еще ты ведь по многу ли, царь, пьёшь и ешь,

Ты ведь пьешь, ты и ешь, да всё кушаешь?» -
«Я-то пью-ту, я всё чарочку пью пива полтора ведра,
Я всё кушаю хлеба по семи пудов;
Я ведь мяса-то ем – к выти всё быка я съем».
Говорит-то на те речи Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Ивановичь:
«У моего всё у батюшки родимого
Там была-то всё корова-то обжорчива,
Она много пила да много ела тут -
У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула».
Показалось-то царицу всё не в удовольствии, -
Он хватал-то из ногалища булатен нож,
Он кинал-то ведь в калику переходящую.
Ай миловал калику Спас Пречистой наш:
Отвернулся-то калика в другу сторону.
Скирывал-то Илья шляпу с головушки,
Он ведь ту-ту скирывал всё шляпу сорочиньскую,
Он кинал, кинал в Идолишша всё шляпою.
Он ведь кинул – угодил в тотарьску самую голову.
Улетел же тут тотарин из простенка вон,
Да ведь вылетел тотарин всё на улицу.
Побежал-то Илья Муромец скорешенько
Он на ту ли на широку светлу улицу,
Он рубил-то всё он тут силу тотарьскую,
Он тотарьску-ту силу, бусурманьскую,
– Он избил-то, изрубил силу великую.
Приказал-то князь Владимир-от звонить всё в большой колокол,
За Илью-ту петь обедни-ти с молебнами:
«Не за меня-то молитесь, за Илью за Муромця».
Собирал-то он почестен пир,
Ай почестен собирал для Ильи да все для Муромця.

Илья Муромец и Идолище в Царе-граде

Как сильное могуче-то Иванище,
Как он, Иванище, справляется,
Как он-то тут, Иван, да снаряжается
Идти к городу еще Еросолиму,
Как Господу там Богу помолитися,
Во Ердань там реченьке купатися,
В кипарисном деревце сушиться,
Господнему да гробу приложиться.
А сильное-то могуче Иванище,
У него лапотцы на ножках семи шелков,
Клюша-то у него ведь сорок пуд;
Как ино тут промеж-то лапотцы поплетены
Каменья-то были самоцветные:
Как меженный день да шел он по красному
солнышку,
В осенню ночь он шел по дорогому камению самоцветному.
Ино тут это сильное могучее Иванище
Сходил к городу еще Еросолиму,
Там Господу-то Богу он молился есть,
Во Ердань-то реченьке купался он,
В кипарисном деревце сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шел мимо Царь-от-град,
Как тут было еще в Цари-граде,
Наехало погано тут Идолище,
Одолели как поганы вси татарева;
Как скоро тут святые образа были поколоты
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В Божьих-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно могуче тут Иванище
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чисто поле,
А начал у поганого доспрашивать:
«Ай же ты, татарин да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолище,
Велик ли-то он ростом собой да был?»
Говорит татарин таково слово:
«Как есть у нас погано есть Идолище
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головище что ведь люто лохалище,
А глазища что пивные чашища,
А нос-от на роже он с локоть был».
Как хватил-то он татарина тут за руку,

Бросал он его во чисто поле,
А разлетелись у татарина тут косточки.
Пошел-то тут Иванище вперед опять,
Идет он путем да дорожкой,
Навстречу тут ему да встречается
Старый казак Илья Муромец:
«Здравствуй-ка ты, старый казак Илья Муромец!»
Как он его ведь тут еще здоровствует:
«Здравствуй, сильное могуче ты Иванище!
Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой да путь держишь?»
– «А я бреду, Илья ещё Муромец,
От того я города Еросолима.
Я там был ино Господу Богу молился там,
Во Ердань-то реченьке купался там,
А в кипарисном деревце сушился там,
Ко Господнему гробу приложился был.
Как скоро я назад тут поворот держал,
Шел-то я назад мимо Царь-от-град».
Как начал тут Илюшенька спрашивать,
Как начал тут Илюшенька доведывать:
«Как все ли-то в Цари-граде по-старому,
Как все ли-то в Цари-граде по-прежнему?»
А говорит тут Иван таково слово:
«Как в Цари-граде-то нынче не по-старому,
В Цари-граде-то нынче по-прежнему.
Одолели есть поганые татарева,
Наехал есть поганое Идолище,
Святые образа были поколоты,
В черные грязи были потоптаны,
Да во Божьих церквах там коней кормят». -
«Дурак ты, сильное могуче есть Иванище!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, хватки половинки нет.
За первые бы речи тебя жаловал,
За эти бы тебя й наказал
По тому-то телу по нагому!
Зачем же ты не выручил царя-то
Костянтина Боголюбова?
Как ино скоро разувай же с ног,
Лапотцы разувай семи шелков,
А обувай мои башмачики сафьянные,
Сокручуся я каликой перехожею».
Сокрутился он каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
«На-ка, сильное могуче ты Иванище,
А на-ка ведь моего ты добра коня;
Хотя ты ездил ль, хоть водком води,
А столько еще, сильное могуче ты Иванище,

Живи-то ты на уловном этом местечке,
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюда буду я обратно бы.
Давай сюда клюшу-то мне-ка сорок пуд».
Не дойдет тут Ивану разговаривать:
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
Взимат-то он от него тут добра коня.
Пошел тут Илюшенька скорым-скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Как приходил Илюшенька во Царь-от-град,
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его он на чисто поле,
Как начал у татарина доспрашивать:
«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолище?»
Как говорит татарин таково слово:
«Есть у нас поганое Идолище,
А росту две сажени печатных,
В ширину сажень была печатная,
А головище – что ведь лютое лохалище,
Глазища – что ведь пивные чашища,
А нос-от ведь на роже с локоть был».
Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он его во чисто поле,
Разлетелись у него тут косточки.
Как тут-то ведь еще Илья Муромец
Заходит Илюшенька во Царь-от-град,
Закричал Илья тут во всю голову:
«Ах ты, царь да Костянтин Боголюбович!
А дай-ка мне, калике перехожеей,
Злато мне, милостыню спасеную».
Как ино царь он Костянтин он Боголюбович
Он-то ведь уж тут зрадовается.
Как тут в Цари-граде от крику еще каличьего
Теремы-то ведь тут пошаталися,
Хрустальные оконнички посыпались,
Как у поганого сердечко тут ужახнулось.
Как говорит поганый таково слово:
«А царь ты Костянтин Боголюбов был!
Какой это калика перехожая?»
Говорит тут Костянтин таково слово:
«Это есте русская калика zde».
– «Возьми-ка ты каликушку к себе его,
Корми-ка ты каликушку да пой его,
Надай-ка ему ты злата-серебра,
Надай-ка ему злата ты долюби».
Взимал он, царь Костянтин Боголюбович,
Взимал он тут каликушку к себе его

В особый-то покой да в потайный,
Кормил, поил калику, радуется,
И сам-то он ему вопрошает:
«Да не красное ль то солнышко пороспекло,
Не млад ли где светел месяц пороссветил?
Как нынечку-топеречку где еще,
Как нам еще сюда показался бы
Как старьи казак здесь Илья Муромец!
Как нын-то есть было топеречку
От тьи беды он нас повыручит,
От тьи от смерти безнапрасны!»
Как тут это поганое Идолище
Взимает он калику на доспрос к себи:
«Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старьи казак есть Илья Муромец?
Велик ли ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль ещё пьет зелена вина?»
Как тут эта калика было русская,
Начал он калика тут высказывать:
«Да ай же ты, поганое Идолище!
У нас-то есть во Киеве Илья-то ведь да Муромец,
А волосом да возрастом ровным с меня,
А мы с ним были братьица крестовые;
А хлеба ест как по три-то калачика крупивчатых,
А пьет-то зелена вина на три пяточика на медных». -
«Да черт-то ведь во Киеве-то есть, не богатырь был!
А был бы-то ведь где да богатырь тот,
Как я бы тут его на долонь ту клал,
Другой рукой опять бы сверху прижал,
А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто поле!
Как я-то ещё ведь Идолище
А росту две сажени печатных,
А в ширину-то ведь сажень была печатная;
Головище у меня – да что люто лохалище,
Глазища у меня – да что пивные чашища,
Нос-то ведь на роже с локоть бы.
Как я-то ведь да к выти хлеба ем
А ведь по три-то печи печеных,
Пью-то я ещё зелена вина
А по три-то ведра я ведь мерных,
Как штей-то я хлебаю по яловицы есте русский!»
Говорит Илья тут таково слово:
«У нас как у попа было ростовского,
Как была что корова обжориста,
А много она ела, пила, тут и треснула.
Тебе-то бы, поганому, да так же быть».

Как этии тут речи не слюбилися,
Поганому ему не к лицу пришли,
Хватил он как ножище тут, кинжалище
Со того стола со дубова,
Как бросил он во Илью-то Муромца,
Что в эту калику перехожую.
Как тут-то ведь Илье не дойдет сидеть,
Как скоро он от ножика отскакивал,
Колпаком тот ножик приотваживал;
Как пролетел тут ножик да мимо-то,
Ударял он во дверь во дубовую;
Как выскочила дверь тут с ободвериной,
Улетела тая дверь да во сени те,
Двенадцать там своих да татаровей
Намертво убило, друго ранило.
Как остальные татара проклинаят тут:
«Буди трою проклят, наш татарин ты!»
Как тут опять Илюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой его в голову,
Как тут-то он, поганый, да захамкал есть.
Хватил затем поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать.
Помахиват Илюша, выговариват:
«Вот мне-ка, братцы, нынче оружие по плечу пришло».
А бьет-то сам Илюша, выговариват:
«Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не рвется».
Начал он поганых тут охаживать
Как этим поганыим Идолищем.
Прибил-то он поганых всех в три часу,
А не оставил тут поганого на семена.
Как царь тут Костянтин-он Боголюбович.
Благодарствует его, Илью Муромца:
«Благодарим тебя, ты старьи казак Илья Муромец!
Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас да еще повыключил
От тыи от смерти безнапрасныи.
Ах ты, старьи казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительство,
Пожалую тебя я воеводою».
Как говорит Илья ему Муромец:
«Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у тя только я три часа,
А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимира,
Служил я у него ровно тридцать лет,

Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкия,
А не выслужил-то я слова там гладкого,
Слова у него я уветлива, есть приветлива.
Да ах ты, царь Костянтин Боголюбovich!
Нельзя-то ведь еще мне zde-ка жить,
Нельзя-то ведь то было, невозможно есть:
Оставлен есть оставеш на дороженьке».
Как царь тот Костянтин Боголюбovich
Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-то чашу скатна жемчугу,
Третьюю еще чиста серебра.
Как принимал Илюшенька, взимал к себе,
Высыпал-то в карман злато-серебро,
Тот ли-то этот скатный жемчужок.
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
«Это ведь мое-то заработное».
Как тут-то с царем Костянтином распростилися,
Тут скоро Илюша поворот держал.
Придет он на уловно это местечко,
Ажно тут Иванище притаскано,
Да ажно тут Иванище придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья те каличие,
Разувал лапотцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянные,
Надевал на ся платьяца цветные,
Взимал тут он к себе своего добра коня;
Садился тут Илья на добра коня,
Тут-то он с Иванищем еще спрашивается:
«Прощай-ка нын ты, сильное могуче Иванище!
Впредь ты так да больше не делай-ка,
А выручай-ка ты Русию от поганных».
Да поехал тут Илюшенька во Киев-град.

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Ездит Илья во чистом поле.
Говорит себе таково слово:
«Побывал я, Илья, во всех городах,
Не бывал я давно во Киеве,
Я пойду в Киев, попроведаю,
Что такое деется во Киеве».
Приходил Илья в стольный Киев-град.
У князя Владимира пир на весело.
Походит Илейко во княжой терем,
Остоялся Илейко у ободверины.
Не опознал его Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский:
«Ты откуль родом, откуль племенем,
Как тебя именем величать,
Именем величать, отцем чествовать?»
Отвечает Илья Муромец:
«Свет Владимир, красное солнышко!
Я Никита Заолешанин».
Не садил его Владимир со боярами,
Садил его Владимир с детьми боярскими.
Говорит Илья таково слово:
«Уж ты, батюшка Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский!
Не по чину место, не по силе честь:
Сам ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь с воронятами».
Князю Владимиру за беду пало:
«Есть у меня, Никита, три богатыря;
Выходите-ка вы, самолучшие,
Возьмите Никиту Заолешанина,
Выкиньте вон из GRIDНИЦЫ!»
Выходили три богатыря,
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита стоит – не шатнется,
На буйной главе колпак не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, позабавиться,
подавай ещё трех богатырей!»
Выходило ещё три богатыря.
Стали они Никитушку попёхивать,
Стали они Никитушку поталкивать.
Никита стоит – не шатнется,
На буйной главе колпак не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, потешиться,
Посылай ещё трех богатырей!»
Выходили третьи три богатыря:

Ничего не могли упахать с Никитушкой.
При том пиру при беседушке
Тут сидел да посидел Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад;
Говорил он князю Владимиру:
«Князь Владимир, красное солнышко!
Не умел ты гостя на приезде учёствовать,
На отъезде гостя не учёствуешь;
Не Никитушка пришел Заолешанин,
Пришел стар казак Илья Муромец!»
Говорит Илья таково слово:
«Князь Владимир, стольный киевский!
Тебе охота попотешиться?
Ты теперь на меня гляди:
Гляючи, снимешь охоту тешиться!»
Стал он, Илейко, потешиться,
Стал он богатырей попихивать.
Сильных-могучих учал попинывать:
Богатыри по гриднице ползают,
Ни один на ноги не может встать.
Говорит Владимир стольный киевский:
«Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подле меня,
Хоть по правую руку аль по левую,
А третье тебе место – куда хошь садись!»
Отвечает Илья Муромец:
«Володимир, князь земли Святорусския!
Правду сказывал Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад:
Не умел ты гостя на приезде учёствовать,
На отъезде гостя не учёствуешь!
Сам ты сидел со воронами,
А меня садил с воронятами!»

Илья Муромец и Калин-царь

Во славном во Киеве-городе
Был сильныя славныя богатырь Илья Муромец,
Он ездил далече-далече во чистом поли,
Он ездил много времени.
Цветно платьє его истаскалося,
Золота казна у него издержалася.
Приезжает во Киев-град,
Захотел он с пути, с дорожки опохмелиться;
Приходит он во царев кабак,
Говорит чумакам-целовальникам:
«А й вы, братцы, чумаки-целовальники!
Я ездил долго в чистом поле,
Цветно платьє у мня истаскалося,
Золотая казна у мня издержалася,
Я желаю теперь с пути опохмелиться,
Со своими людьми познакомиться.
Вы позвольте мне три бочки сороковые
Зелена вина безденежно».
Говорят чумаки-целовальники:
«А й ты, старая собака, седатый пес!
Да не дадим мы без денег зелена вина».
Да не много-то Илья у них спрашивал,
Да не много с нима разговаривал.
Приходил он ко подвалу кабачному,
Он пинал правой ногой во двери подвальные,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
Да другую брал под другую,
Третью бочку он ногой катил,
Выходил Илья да на зеленый луг,
Закричал он во всю голову чelовичию,
Во всю силу свою богатырскую,
Он зычным громким голосом:
«А и вы, братцы мои пьяницы,
Да вы голи кабацкие,
Кабацкие голи, мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у мня зелена вина допьяна,
Да вы молитє Бога за старого».
Да собиралися пьяницы, голи кабацкие,
Мужики деревенские на зеленый луг,
Они пили вино да и безденежно.
Да чумаки-целовальники
Не могли у Ильи отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромец скидал с себя шубу соболиную,
Обливал эту шубу зеленым вином,
Сам волочил по лужечку зеленому,

Он ко шубе приговаривал;
«Уливайся, моя шуба, зеленым вином.
Сулит ли мне Бог волочить собаку царя Калина
Да по этому лужочку зеленому,
А ему от моих белых рук плакати».
Услыхали эти речи чумаки-целовальники,
Приходили ко князю Владимиру,
Они били челом, низко кланялись:
«Да уж ты, наш свет-государь-де Владимир-князь!
Да мы не знаем, у нас вчера какое чудо сотворилось,
Да не знаем, кто пришел:
А черт ли пришел, али водяной пришел
К нам на царев кабак.
Он просил зелена вина безденежно
Три бочки сороковые,
А мы безденежно ему вино не дали.
Да он не много у нас спрашивал,
Да не горазно с нами разговаривал,
Шел ко подвалу кабачному,
Он пинал-де во двери подвальные правой ногой,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
А другую брал бочку под другую
Да третью бочку ногой катил.
Да й выходил он, сударь, на зеленый луг,
Закричал-де он громким голосом,
Во всю голову человеческу,
Во всю силу свою богатырскую:
«А й вы, братцы мои, вы, товарищи,
Пьяницы, голи кабацкие,
Мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у мня зелена вина безденежно».
Приходили тут пьяницы, голи кабацкие,
На зеленый луг,
Распоил он вино им безденежно,
Да скинул с себя шубу соболиную,
Да уливал эту шубу зеленым вином,
Да й волочил по лужочку зеленому,
Да он ко шубе приговаривал:
«Да уливайся, моя шуба, зеленым вином,
Да сулит ли мне Бог волочить собаку князя Владимира
Да по этому лугу зеленому».
Да нам нечем, сударь, Владимир-князь,
Нечем буде за вино расчет держать».
Воскричал князь Владимир стольнокиевский
Своим громким голосом:
«Посадить его в погреб глубокие,
В глубок погреб да сорока сажен.
Не дать ему ни пить, ни есть да ровно сорок дней,

Да пусть он помрет, собака, и с голоду».
Как узнала про это честная вдовица княгиня
Апраксия,
Что посажен Илья Муромец да во глубок погреб,
Она сделала подкоп ту тайную
Да во тот ли погреб глубокие,
Кормила, поила Илью ровно сорок дней.

* * *

Как Владимир-князь да стольнокиевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во холодныш
Да на три-то года поры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая;
Она видит, – это дело есгь немалое,
А что посадил Владимир-князь да стольнокиевский
Старого казака Илью Муромца
В тот во погреб во холодныи,
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Опраксу-королевичну.
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенных,
Приказала-то на погреб на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она ествушку поставить да хорошую
И одежду сменять с нова на ново
Тому старому казаку Илье Муромцу,
А Владимир-князь про то не ведает.
И воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град:
И хотит он розорить да стольный Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить,
Да со той Опраксой-королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,
И дает ему он грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
«Как поедешь ты во стольный Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольнеем во Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на его на широком дворе,
И сойдешь как тут ты со добра коня,

Да й спушай коня ты на посыльный двор,
Сам поди-тко во палату белокаменну,
Да пройдешь палатой белокаменной,
Да й войдешь в его столовую во горенку,
На пятау ты дверь да поразмахивай,
Не снимай-ка кивера с головушки,
Подходи-ка ты ко столику к дубовому,
Становись-ка супротив князя Владимира,
Полагай-ка грамоту на золот стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский,
Ты бери-тко грамоту посыльную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано;
Очищай-ка ты все улички стрелецкие,
Все великие двory да княженецкие,
По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим
Наставь сладких хмельных напитков,
Чтоб стояли бочка о бочку близко-по-близку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войсками со великима
Во твоём во городе во Киеве».
То Владимир-князь да стольнокиевский
Брал-то книгу он посыльную,
Да и грамоту ту распечатывал,
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано,
И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие двory княженецкие,
Да наставить сладких хмельных напитков
– А по всем по улицам широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Видит – есть это дело не малое,
А не мало дело-то, великое;
А сядил-то Владимир-князь да на черленый стул,
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты, собака да и Калин-царь!
Дай-ка мне ты поры-времечки на три году,
На три году дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня,
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие двory да княжецкие,
Накурить мне сладких хмельных напитков,
Да й наставить по всему-то городу по Киеву,
Да й по всем по улицам широкиими,
По всем славным переулкам княженецкиим».

Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину;
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времечки на три году,
На три году дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.
Еще день за день ведь – как и дождь дождит,
А неделя за неделей – как река бежит;
Прошло поры-времечки да три году,
А три году да три месяца,
А три месяца и еще три-то дня;
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
Он подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Нет жива-то старого казака Ильи Муромца;
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за Божие,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да и той Опраксы-королевичной!»
Говорит ему любима дочь да таковы слова:
«Ай ты, батюшко Владимир-князь наш стольнокиевский!
Ведь есть жив-то старьи казак да Илья Муромец;
Ведь он жив на погребе холодном».
Тут Владимир-князь-от стольнокиевский
Он скорешенько берет за золоты ключи
Да идет на погреб на холодный,
Отмыкает он скоренько погреб да холодный
Да подходит ко решеткам ко железным,
Растворил-то он решетки да железные:
Да там старьи казак да Илья Муромец,
Он во погребе сидит-то, сам не старится;
Там перинушки-подушечки пуховые,
Одеяла снесены там теплые,
Ествушка поставлена хорошая,
А одежица на нем да живет сменная.
Он берет его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Выводил его со погребца холодного,
Приводил его в палату белокаменну,
Становил-то он Илью да супротив себя,
Целовал в уста его сахарные,
Заводил его за столики дубовые,
Да садил Илью-то он подли себя,

И кормил его да ествушкой сахарнею,
Да поил-то питьицем медвянным,
И говорил-то он Илье да таковы слова:
«Ай же старьи казак да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нынь в полону стоит,
Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своима со войсками со великими.
А постой-ка ты за веру, за отечество,
А постой-ка ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки Божьи церкви,
Да постой-ка ты за князя за Владимира,
Да постой-ка за Опраксу-королевичну!»
Так тут старьи казак да Илья Муромец
Выходил он с палаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну,
Да спросил-то как он паробка любимого,
Шел со паробком да со любимым
А на свой на славный на широкий двор,
Заходил он во конюшенку в стоялую,
Посмотрел добра коня он богатырского.
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же ты, мой паробок любимыи,
Верный ты слуга мой безыменныи,
Хорошо держал моего коня ты богатырского!»
Целовал его он во уста сахарные,
Выводил добра коня с конюшенки стоялыи
А й на тот на славный на широкий двор.
А й тут старьи казак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он заседывать:
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек;
Потничек он клал да ведь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седельшко недержано;
А подтягивал двенадцать подпругов шелковых,
А шпилечики он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества,
Ради крепости всё богатырскойей:
Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки-ты красна золота,
Они мокнут, да не ржавеют.
И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,

Во-вторых, брал копьё боржамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А й еще брал шальгу подорожную,
И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарским —
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнано-то силы много множество,
Как от покрику от человеческого,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старьи казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушки наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую —
Конца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскочил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны —
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился с той со горы со высокии,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы
И у белых шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той с горы высокии
И поехал по раздольицу чисту полю;
Приезжал Илья к шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тех шатров у белых,
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблют-то пшenu да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастья великого».
Он накинуд поводы шелковые
На добра коня да й богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
«А й допустят ли то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому —
Позобать пшenu да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшenu да белоярову;
Старьи казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.

Приходит Илья Муромец во бел шатер;
В том белом шатре двенадцать-то богатырей,
И богатыри все святорусские;
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри да святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«А й поди ты, крестничек любимый,
Старый казак да Илья Муромец,
А садись-ка с нами пообедати».
И он выстал ли да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовались,
Посадили Илью Муромца да за единый стол -
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец да он тринадцатый.
Они поели, попили, пообедали,
Выходили с-за стола из-за дубового,
Они Господу Богу помолилися.
Говорит им старый казак да Илья Муромец:
«Крестный ты мой батюшка Самсон Самойлович
И вы, русские могучие богатыри!
Вы седлайте-тко добрых коней,
А й садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте-тко да во раздольице чисто поле,
А й под тот под славный стольный Киев-град.
Как под нашим-то под городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками великими,
Разорить хотит он стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да со Опраксой-королевичной
Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постоит-тко за веру, за отечество,
Вы постоит-тко за славный стольный Киев-град;
Вы постоит-тко за церкви-ты за Божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Опраксой-королевичной!»
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,

Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град;
Да не будем мы стоять за матушки Божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старьи казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, мой крестный батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее,
Как собака Калин-царь он разорит да Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,
Да он Божьи церкви все на дым спустит,
Да князю Владимиру с Опраксой-королевичной
А он срубит им да буйные головушки.
Вы седлайте-тко добрых коней,
И садитесь-ка вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольный Киев-град;
И постойте вы за церкви-ты за Божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой-королевичной».
Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старьи казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да и не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град;
Да не будем мы стоять за матушки Божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да к жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старьи казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее.
Вы седлайте-тко добрых коней,
И садитесь-тко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко во чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольный Киев-град;
И постойте вы за церкви-ты за Божие,

Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой-королевичной».
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град;
Да не будем мы стоять за матушки Божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
А й тут старый казак да Илья Муромец
Он как видит, что дело ему не по-люби,
А й выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,
Брал его за поводы шелковые,
Отводил от полотна от белого,
А от той пшены от белояровой;
Да садился Илья на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он ко войскам ко татарским.
Не ясен сокол да напускает на гусей, на лебедей
Да на малых перелетных на серых утушек,
Напускает-то богатырь святорусский
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарской,
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьём колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет – будто траву косит.
Его добрый конь да богатырский
Испровещился языком человеческим:
«Ай же славный богатырь святорусский!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великии:
Нагнано у собаки царя Калина,
Нагнано той силы много множество,
И у него есте сильные богатыри,
Поляницы есте да удалые.
У него, собаки царя Калина,
Сделаны-то трои ведь подкопы да глубокие
Да во славноем раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту полю,

Будешь бить-то силу ту великую,
Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу,
Да тебя оттуль-то я повыздыну;
Как просядем мы в подкопы-то во другие,
И оттуль-то я повыскочу,
И тебя оттуль-то я повыздыну;
Еще в третии подкопы во глубокие,
А ведь тут-то я повыскочу,
Да оттуль тебя-то не повыздыну,
Ты останешься в подкопах во глубокихх».
А й ще старьи казак да Илья Муромец,
Ему дело то ведь не слюбилося,
И берет он плетку шелкову в белы руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил он коню таковы слова:
«Ай же ты, собачище изменное!
Я тебя кормлю-пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поли,
Да во тых подкопах во глубокихх!»
И поехал Илья по раздольицу чисту полю,
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит, -
У Ильи-то сила не уменьшится.
Й он просел в подкопы во глубокие,
Его добрый конь оттуль повыскочил,
Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
Й он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю,
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть;
И он бьет-то силу, как траву косит, -
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
Й он просел с конем да богатырским,
Й он попал в подкопы-ты во другие;
Его добрый конь оттуль повыскочил
Да Илью оттуль повыздынул.
Й он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю,
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть;
Й он бьет-то силу, как траву косит, -
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
Й он попал в подкопы-ты во третии,
Он просел с конем в подкопы-ты глубокие;
Его добрый конь да богатырским

Еще с третьих подкопов он повыскачил,
Да отгуль Ильи он не повыздынул,
Сголзанул Илья да со добра коня,
И оставался он в подкопе во глубоком.
Да пришли татара-ты поганые,
Да хотели захватить они добра коня;
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки,
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.
Тут пришли татара-ты поганые
А напали на старого казака Илью Муромца,
А й сковали ему ножки резвые,
И связали ему ручки белые.
Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку!»
Говорят ины татара таковы слова:
«Ай не надо рубить ему буйной головы,
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает».
Повели Илью да по чисту полю
А ко тым палаткам полотняным,
Приводили ко палатке полотняной,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина.
Говорили татара таковы слова:
«Ай же ты, собака да наш Калин-царь!
Захватили мы старого казака Илью Муромца
Да во тых-то во подкопах во глубоких
И привели к тебе, к собаке царю Калину;
Что ты знаешь, то над ним и делаешь».
Тут собака Калин-царь говорил Илье
да таковы слова: «Ай ты, старый казак да Илья Муромец!
Молодой щенок да напустил на силу на великую,
Тебе где-то одному побить моя сила великая!
Вы раскуйте-тко Илье да ножки резвые,
Развяжите-тко Илье да ручки белые».
И расковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые.
Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да садись-ка ты со мной а за единый стол,
Ешь-ка ествушку мою сахарную
Да и пей-ка мои питьица медвяные,
И одежь-ка ты мою одежу драгоценную
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью;
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».
Говорил Илья да таковы слова:

«А й не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествушек сахарных,
Не буду пить твоих питьецев медвяных,
Не буду носить твоей одежи драгоценны,
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке царю Калину,
Еще буду служить я за веру, за отечество,
А и буду стоять за стольный Киев-град,
А буду стоять за церкви за Господние,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой-королевичной».
Тут старой казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняной
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары-ты поганые,
Хотят обневолить они старого казака
Илью Муромца.
А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось-то доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
Старый казак да Илья Муромец
Видит он дело немалое;
Да схватил татарина он за ноги,
Такое стал татарин помахивать,
Стал он бить татар татарин,
И от него татары стали бегать,
И прошел он скрозь всю силушку татарскую,
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону,
То идет он по раздольицу чисту полю.
При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепких.
Засвистал в свисток Илья он богатырский,
Услыхал его добрый конь да во чистом поле,
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.
Еще старый казак да Илья Муромец
Как садился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он да на гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону:
А й под той ли под восточной под сторонешкой,
А й у тех ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские.
А тут старый-от казак да Илья Муромец
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тугой лук разрывчатый в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
И он спускал ту стрелочку во бел шатер,

Говорил Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрелочка каленая,
А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышу со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному
И проголзни-тко по груди ты по белыи,
Сделай-ка ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую,
Он и спит там, прохлажается,
А мне здесь-то одному да мало можется».
Й он спустил как эту тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую.
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славныи во бел шатер,
Она сняла крышу со бела шатра,
Пала она, стрелочка, на белы груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка проголзнула,
Сделала она да сцапинку-то маленьку.
А и тут славныи богатырь святорусский,
А й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные;
Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелка по белой груди,
Она сцапиночку сделала да на белой груди,
Й он скорешенько стал на резвы ноги,
Говорит Самсон да таковы слова:
«Ай же славные мои богатыри вы святорусские!
Вы скорешенько седлайте-тко добрых коней,
Да садитесь-тко вы на добрых коней.
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да не любимые:
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла ведь да со бела шатра,
Да проголзнула-то стрелка по белой груди,
Она сцапинку-то дала по белой груди,
Только малу сцапинку-то дала, не великую;
Погодился мне, Самсону, крест на вороте,
Крест на вороте шести пудов;
Есть бы не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову».
Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И садились молодцы да на добрых коней
И поехали раздольищем чистым полем
Ко тому ко городу ко Киеву,

Ко тым они силам ко татарским.
А со той горы да со высокии
Усмотрел ли старьи казак да Илья Муромец, -
А то едут ведь богатыри чистым полем,
А то едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокии,
И подъехал он к богатырям ко святорусским;
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.
И приехали они ко силушке татарской,
Припустили коней богатырских,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняной;
А сидит собака Калин-царь в палатке полотняной.
Говорят-то как богатыри да святорусские:
«А срубить-то буйную головушку А тому собаке царю Калину».
Говорил старой казак да Илья Муромец:
«А почто рубить ему да буйная головушка?
Мы свеземте-тко его во стольный Киев-град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру».
Привезли его, собаку царя Калина,
А во тот во славный Киев-град,
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
Привели его в палату белокаменну,
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
То Владимир-князь да стольнокиевский
Он берет собаку за белы руки
И сажил его за столики дубовые,
Кормил его ествушкой сахарнею
Да поил-то питьицем медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же ты, Владимир-князь да стольнокиевский!
Не сруби-тко мне да буйной головы.
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век и по веку
А тебе-то, князю я Владимиру!»
А тут той старинке и славу поют, А по тихих мест старинка и покончилась.

Бой Ильи Муромца с сыном

Кабы жили на заставы богатыри,
Недалеко от города – за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут пятнадцать лет;
Кабы тридцать-то их было да со богатырем;
Не видали ни конного, ни пешего,
Ни прохожего они тут, ни проезжего,
Да ни серый тут волк не прорыскивал,
Ни ясен сокол не пролетывал,
Да нерусской богатырь не проезживал.
Кабы тридцать-то было богатырей со богатырем:
Атаманом-то – стар казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович;
Податаманьем Самсон да Колыбанович,
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Алеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах;
Да и жил тут Василей сын Буслаевич,
Да и жил тут Васенька Игнатъевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермя да сын Васильевич,
Да и жил Радивон да Превысокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроменькой;
Затем Потык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило, млады Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата, два родимые,
Да Лука, Да Матвей – Дети Петровые...¹⁰
На зачине-то была светла деничка,
На зори-то тут было да нонче на утренной,
На восходе то было да красна солнышка;
Тут ставаёт старой да Илья Муромец,
Илья Муромец ставаёт да сын Иванович,
Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
И ставаёт да он нонь пред Господом,
А молится он да Господу Богу,
А крест-от кладет да по писанному,
А поклон-от ведет да как ведь водится,
А молитву творит полну Иисову;
Сам надёрнул сапожки да на босу ногу,
Да и кунью шубейку на одно плечо,
Да и пухов-де колпак да на одно ухо.

¹⁰ Больше богатырей сказительница вспомнить не могла, как ни старалась, но сказала, что прежде помнила всех (собира-
тель).

Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да и выходит старой да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на все стороны,
Да и смотрел он под сторону восточную, -
Да и стоит-то-де наш там стольнѣ-Киев-град;
Да и смотрел он под сторону под летную, -
Да стоят там луга да там зелѣныи
Да глядел он под сторону под западну, -
Да стоят там да леса тѣмныи;
Да смотрел он под сторону под северну, -
Да стоят-то-де наше да синѣ морѣ, -
Да и стоит-то-де наше там чисто полѣ,
Сорочинско-де славно наше Кулигово;
В копоти то там, в тумане, не знай, зверь бежит,
Не знай, зверь там бежит, не знай, сокол летит,
Да Буян ле славный остров там шатается,
Да Саратовы ле горы да знаменуются,
А богатырь ле там едет да потешается:
Попереди то его бежит серый волк,
Позади-то его бежит черный выжлок;
На правом-то плече, знать, воробей сидит,
На левом-то плече, да знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калѣную,
Да калѣную стрелочку, перѣную;
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамского,
Не того же орла, что на дубу сидит,
Да того же орла, который на синѣм мори,
Да гнездо-то он вьет да на серой камень.
Да подверх богатырь стрелочку подстреливат,
Да и на пол он стрелочку не ураниват,
На полѣте он стрелочку подхватыват.
Подъезжает он ныне ко белу шатру,
Да и пишет нонь сам да скору грамотку;
Да подмѣтывает ерлык, да скору грамотку;
На правом-то колене держит бумажечку,
На левом то колене держит чернильницу,
Во правой-то руке держит перышко,
Сам пишет ерлык, да скору грамотку,
Да к тому же шатру да белобархатному.
Да берет-то стар казак Илья Муромец,
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечатано:
«Да и еду я нонь да во стольнѣй Киев-град,
Я грометь-штурмовать да в стольнѣ-Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги да во грязи стопчу,

Чудны образы-иконы на поплаве воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму».
Да заходит тут стар тут во белой шатёр:
«Ох вы ой есь вы, дружинушка хоробрая,
Вы, хоробрая дружина да заговорная!
Уж вам долго ле спать, да нынь пора ставать.
Выходил я, старой, вон на улицу,
Да и зрел я, смотрел на все стороны,
Да смотрел я под сторону восточную, -
Да и стоит-то де наш там стольнё-Киев-град...¹¹
Тут скакали нынь все русские богатыри.
Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:
«Да кого же нам послать нынь за богатырём?
Да послать нам Самсона да Колыбанова, -
Да и тот ведь он роду-то сонливого,
За невид потеряют свою буйну голову;
Да послать нам Дуная сына Иванова, -
Да и тот он ведь роду-то заплывчива,
За невид потеряют свою буйну голову;
Да послать нам Олешеньку Поповича, -
Да и тот он ведь роду-то хвастливого,
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка, -
Да и тот он ведь роду торопливого,
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимыя,
Да Луку де, Матвея – детей Петровичей, -
Да такого они роду-то ведь вольнёго,
Они вольного роду-то, смирёного,
Потеряют свои да буйны головы;
Да послать-то нам Добрынюшку Микитича, -
Да я тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-то, очестлива,
Да умеет со молодцем соехаться,
Да умеет он со молодцем разъехаться,
Да имеет он ведь молодцу и честь воздать».
Да учуло тут ведь ухо богатырскоё,
Да завидело око да молодецкоё,
Да и стал тут Добрынюшка сряжатися,
Да и стал тут Добрынюшка сподоблятися;
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи цепей,
Да семи он цепей да семи розвезей;
Да и клал на коня да плотны плотнички,
Да на плотнички клал да мягки войлочки,

¹¹ Рассказ Ильи Муромца, что он видел, составляющий буквальное повторение предыдущего в 49 стихах, выпускается (Н.Е. Он-чуков).

Да на войлочки седельшко черкальской,
Да двенадцать он вяжет подпруг шелковых,
Да тринадцату вяжет чересхребётную,
Через ту же он степь да лошадиную,
Да не ради басы да молодецкой,
Ради крепости вяжет богатырской.
Тут он приснял он-де шапочку курчавую,
Он простился со всеми русскими богатырьми,
Да не видно поездки да молодецкой,
Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил да в стремяна ступил,
Стремяна те ступил да он коня стегнул;
Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно – кулева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламя мечется,
Да и сива де грива да расстиляется,
Да и хвост-то трубой да завивается.
Наезжает богатырь на чистом поли,
Заревел тут Добрыня да во первой након:
«Уж я верной богатырь, – дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, – дак поворот даешь».
А и едет татарин, да не оглянется.
Заревел-то Добрынюшка во второй након:
«Уж я верной богатырь, – дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, – дак поворот даешь».
А и едет татарин, да не оглянется.
Да и тут-де Добрынюшка ругаться стал:
«Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!
Ты сорока, ты летишь, да белобокая,
Да ворона, ты летишь, да пустоперая,
Пустопера ворона, да по загуменью!
Не воротишь на заставу каравульную,
Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считаешь?»
А и тут-де татарин да поворот даёт,
Да снимал он Добрыньку да со добра коня,
Да и дал он на... по отяпышу,
Да прибавил на... по алябышу,
Посадил он назад его на добра коня:
«Да поедь ты, скажи стару казаку, -
Кабы что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной еще делать нечего».
Да поехал Добрыня, да едва жив сидит.
Тут едет Добрынюшка Никитьевич
Да к тому же к своему да ко белу шатру,
Да встречает его да нынче стар казак,
Кабы стар-де казак да Илья Муромец:

«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитич блад!
Уж ты что же ты едешь не по-старому,
Не по-старому ты едешь да не по-прежнему?
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да очи ясныи».
Говорит-то Добрынюшка Никитич блад:
«Наезжал я татарина на чистом поли,
Заревел я ему да ровно два раза,
Да и едет татарин, да не оглянется;
Кабы тут-де-ка я ровно ругаться стал.
Да и тут-де татарин да поворот дает,
Да сымал он меня да со добра коня,
Да и дал он на... да по отяпышу,
Да прибавил он еще он по алябышу,
Да и сам он говорит да таковы речи:
«Да и что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной да делать нечего!»
Да и тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалось;
Могучи его плеча да расходились,
Ретиво его сердце разгорячилось,
Кабы ровно-неровно – будто в котли кипит.
«Ох вы ой еси, русские богатыри!
Вы седлайте-уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбрую да лошадиную,
Вы кладите всю приправу да богатырскую».
Тут седлали-уздали да коня доброго;
Да не видно поездки да молодецкой,
Только видно, как старой нын на коня скочил,
На коня он скочил да в стремя ступил,
Да и приснял он свой да нонь пухов колпак:
«Вы прощайте, дружинушка хоробрая!
Не успеете вы да штей котла сварить, -
Привезу голову да молодецкую».
Во чистом поли видно – курева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламе мечется,
Да и сива-де грива да расстилается,
Да и хвост-от трубой да завивается.
Наезжает татарина на чистом поли,
От того же от города от Киева
Да и столько-де места – да за три поприща.
Заревел тут старой да во первой након:
«Уж я верной богатырь – дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь – дак поворот даёшь».
А и едет татарин, да не оглянется.
Да и тут старой заревел во второй након:
«Уж я верной богатырь – дак я напуск держу,

Ты неверной богатырь – дак поворот даёшь».
Да и тут-де татарин да не оглянется.
Да и тут-де старой кабы ругаться стал:
«Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!
Ты сорока, ты летишь, да белобокая,
Ты ворона, ты летишь, да пустоперая,
Пустопера ворона, да по загуменью!
Не воротишь на заставу караульную,
Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считаешь?»
Кабы тут-де татарин поворот даёт,
Отпустил татарин да нынь сера волка,
Отпустил-то татарин да черна выжлока,
Да с права он плеча да он воробышка,
Да с лева-то плеча да бела кречета.
«Побежите, полетите вы нынь прочь от меня,
Вы ищите себе хозяина поласкове.
Со старым нам съезжаться – да нам не брататься,
Со старым нам съезжаться – дак чья Божья помочь».
Вот не две горы вместе да столкнулися, -
Два богатыря вместе да тут соехались,
Да хватали они сабельки нынь острые,
Да и секлись, рубились да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
Острые сабельки их да изломалися,
Изломалися сабельки, исцербилися;
Да бросили тот бой на сыру землю,
Да хватали-то палицы боёвые,
Колотились, дрались да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
Да боёвые палицы загорелися,
Загорелися палицы, распоелися;
Да бросали тот бой на сыру землю,
Да хватали копейца да бурзамецкие,
Да и тыкались, кололись да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
По насадке копейца да изломалися,
Изломалися они да извихнулися;
Да бросили тот бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрых коней,
Да хватались они на рукопашечку.
По старому по бесчестью да по великому
Подоспело его слово похвальное,
Да лева его нога да окольздилася,
А права-то нога и подломилася,
Да и падал старой тут на сыру землю,
Да и ровно-неровно будто сырой дуб,
Да заскакивал Сокольник на белы груди,
Да и розорвал лату да он булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,

Да и хочет пороть да груди белые,
Да и хочет смотреть да ретиво сердцё.
Кабы тут-де старой да нынь расплакался:
«Ох ты ой есть, пресвята мать Богородица!
Ты почто это меня нынче повыдала?
Я за веру стоял да Христовую,
Я за церкви стоял да за соборные».

Вдруг не ветру полоска да перепахнула, -
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свистнул он Сокольника со белых грудей,
Да заскакивал ему да на черны груди,
Да и розорвал лату да всё булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и ткнул он ему до во черны груди, -
Да в плечи-то рука и застоялася.

Тут и стал-де старой нынче выпрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
У поганого сердцо-то заплывчиво:
«Да когда я у те был да на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду тя, ни племени».

Да и ткнул старой да во второй након, -
Да в локти-то рука да застоялася;
Да и стал-де старой да опять спрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Да когда я у те был на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду тя, ни племени,
Ты ещё стал роды у мня выпрашивать».

Кабы тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалось,
Да и ткнул старой да во третьей након, -
В заведи-то рука и застоялася;
Да и стал-то старой тут выпрашивать:
«Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!
Да скажись ты мне нонче, пожалуйста:
Да какой ты земли, какой вотчины,
Да какого ты моря, коя города,
Да какого ты роду, коя племени?
Да и как тя, молодца именём зовут,
Да и как прозывают по отечеству?»

Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«От того же я от камешка от Латыря,
Да от той же я девчонки да Златыгорки;
Она зла поленица да преудалая,
Да сама она была еще одноокая».

Да скакал-то старой нонь на резвы ноги,
Прижимал он его да ко белой груди,
Ко белой-де груди да к ретиву сердцу,
Целовал его в уста да нынь сахарные:

«Уж ты, чадо ле, чадо да мое милоё,
Ты дитя ле мое, дитя сердечноё!
Да съезжались с твоей да мы ведь матерью
Да на том же мы ведь на чистом поли,
Да и сила на силу прилучалася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы с ней любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили;
Да поедь ты нынь к своей матери,
Привези ей ты нынь в стольно-Киев-град,
Да и будешь у меня ты первой богатырь,
Да не будет тебе у нас поединщиков».
Да и тут молодцы нынь разъехались,
Да и едет Сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высокоу терему.
Да встречат его матушка родимая:
«Уж ты, чадо ле, чадо моё милоё,
Уж дитя ты мое, дитя сердечноё!
Уж ты что же нынь едешь да не по-старому,
Да и конь-то бежит не по-прежнему?
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя ты дёржишь да очи ясные,
Потопя ты их держишь да в мать сыру землю».
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Уж я был же нынь-нынче да во чистом поли,
Уж я видел стару коровушку базыкову,
Он тебя зовет... меня...»
Говорит-то старуха да таковы речи:
«Не пустым-де старой да похваляется, -
Да съезжались мы с ним да на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы с ним любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили».
А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалось,
Да хватил он матушку за черны кудри,
Да и вызнял он ей выше могучих плеч,
Опустил он ей да о кирпичат пол,
Да и тут-де старухе да смерть случилася.
У поганого сердцё-то заплывчиво,
Да заплывчиво сердцё-то разрывчиво,
Да подумал он думу да промежду собой,
Да сказал он нынь слово да нынче сам себе:
«Да убил я топеря да родну матушку,
Да убью я поеду да стара казака,
Он спит нынь с устатку да нонь с великого».

Да поехал Сокольник в стольно-Киев-град,
Не пиваючись он да не едаючись,
Не сыпал-де он нынче плотного сну;
Да разорвана лата да нынъ булатная,
Да цветно его платьё да всё истрёпано.
Приворачивал он на заставу караульную —
Никого тут на заставе не случилось,
Не случилось-де нынъ, не пригодилось,
Да и спит-то один старой во белом шатру,
Да храпит-то старой, как порог шумит;
Да соскакивал Сокольник да со добра коня,
Да заскакивал Сокольник да нынъ во бел шатер,
Да хватал он копейцё да бурзамецкое,
Да и ткнул он старому да во белы груди;
По старому-то по счастью да по великому
Пригодился ле тут да золот чуден крест, -
По насадки копейцо да извихнулося;
Да и тут-де старой да пробуждается,
От великого сну да просыпается,
Да скакал-де старой тут на резвы ноги,
Да хватал он Сокольника за черны кудри,
Да и вызнял его выше могучих плеч,
Опустил он его да о кирпичат пол,
Да и тут-де Сокольнику смерть случилася;
Да и вытащил старой его вон на улицу,
Да и руки и ноги его он оторвал,
Россвистал он его да по чисту полю,
Да и тулово связал да ко добру коню,
Да сорокам, воронам да на расклёваньё,
Да серым-де волкам да на растарзаньё.

Богатыри на Соколе-корабле

По морю, морю синему,
По синему, но Хвалунскому
Ходил-гулял Сокол-корабль
Немного– немало двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма – по-звериному,
А бока звездены по-змеиному,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почестные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-от был Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванов,
Его верный слуга – Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Как издалече-далече, из чиста поля
Зазрил, засмотрел турецкой пан,
Турецкой пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.
Он сам говорит таково слово:
«Ай вы гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донские казаки!
Что у вас на синем море деется?
Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-корабль,

Белеются тонки парусы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери;
Добрынюшку под меч клони!»
Таки слова слышал Илья Муромец,
Тако слово Добрыне выговаривал:
«Ты, Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи на Сокол-корабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косы сажень!»
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Ни на воду, ни на землю,
А пади, моя каленая стрела,
В турецкой град, в зелен сад,
В зеленой сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь;
Распори ему турецкую грудь,
Расшиби ему ретиво сердце!»
Ах тут Салтан покаялся:
«Не подай, Боже, водиться с Ильей Муромцем,
Ни детям нашим, ни внучатам,
Ни внучатам, ни правнучатам,
Ни правнучатам, ни пращурятам!»

Три поездки Ильи Муромца

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева
Была тут поездка богатырская.
Выезжает оттуль да добрый молодец,
Старый казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добром коне
И во том ли выезжает во кованом седле.
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чистом поле,
И увидел добрый молодец да Латырь-камешек,
И от камешка лежит три ростани,
И на камешке было подписано:
«В первую дороженьку ехати – убиту быть,
Во другую дороженьку ехати – женату быть,
Третью дороженьку ехати – богату быть».
Стоит старенький да издивляется,
Головой качат, сам выговариват:
«Сколько лет я во чистом поле гулял да езживал,
А еще такового чуда не нахаживал.
Но на что поеду в ту дороженьку, да где богату быть?
Нет у меня да молодой жены,
И молодой жены да любимой семьи,
Некому держать-тощить да золотой казны,
Некому держать да платья цветного.
Но на что мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молоденьку ведь взять – да то чужа корысть,
А как старую-то взять – дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь, добрый молодец,
А й во тую дороженьку, где убиту быть?
А и пожил я ведь, добрый молодец, на сем свете,
И походил-погулял ведь добрый молодец во чистом поле».
Нонь поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть,
Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи;
Во чистом поле да курева стоит,
Курева стоит да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы на холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки ты озера между ног спускал,
Он сини моря ты на окол скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатой,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленские,

Где стоят ведь сорок тысячей разбойников
И те ли ночные тати-подорожники.
И увидели разбойники да добра молодца,
Старого казака Илью Муромца.
Закричал разбойнический атаман большой:
«А гой же вы, мои братцы-товарищи
И разудаленькие вы да добры молодцы!
Принимайтесь-ка за добра молодца,
Отбирайте от него да платье цветное,
Отбирайте от него да что ль добра коня».
Видит тут старыи казак да Илья Муромец,
Видит он тут, что да беда пришла,
Да беда пришла да неминуема.
Испроговорит тут добрый молодец да таково слово:
«А гой же вы, сорок тысяч разбойников
И тех ли татей ночных да подорожников!
Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего.
Нет у старого да золотой казны,
Нет у старого да платья цветного,
А и нет у старого да камня драгоценного.
Только есть у старого один ведь добрый конь,
Добрый конь у старого да богатырский,
И на добром коне ведь есть у старого седлышко,
Есть седлышко да богатырское.
То не для красы, братцы, и не для басы -
Ради крепости да богатырской,
И чтоб можно было сидеть да добру молодцу,
Биться-ратиться добру молодцу да во чистом поле.
Но еще есть у старого на коне уздечка тесмяная,
И во той ли во уздечике да во тесмяной
Как зашито есть по камешку по яхонту,
То не для красы, братцы, не для басы -
Ради крепости да богатырской.
И где ходит ведь гулят мои добрый конь,
И среди ведь ходит ночи темныя,
И видно его да за пятнадцать верст да равномерных;
Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов.
То не для красы, братцы, не для басы -
Ради крепости да богатырской».
Скричал-сзычал да громким голосом
Разбойнический да атаман большой:
«Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать!
Принимайтесь-ка вы, ребяташки, за дело ратное».
А й тут ведь старому да за беду стало
И за великую досаду показалось.
Снимал тут старый со буйной главы да шеломчат колпак,
И он начал, старенький, тут шеломом помахивать.

Как в сторону махнет – так тут и улица,
А й в другу отмахнет – дак переулочек.
А видят тут разбойники, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
Скричали тут разбойники да зычным голосом:
«Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть на семена».
Он прибил-прирубил всю силу неверную
И не оставил разбойников на семена.
Обращается ко камешку ко Латырю,
И на камешке подпись подписывал, -
И что ли очищена тая дорожка прямоезжая,
И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть.
Выезжает старенький да во чисто поле,
Увидел тут старенький палаты белокаменны.
Приезжает тут старенький к палатам белокаменным,
Увидела тут да красна девица,
Сильная поляница удалая,
И выходила встречать да добра молодца:
«И пожалуй-кось ко мне, да добрый молодец!»
И она бьет челом ему да низко кланяйтся,
И берет она добра молодца да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
И ведет ведь добра молодца да во палаты белокаменны;
Посадила добра молодца да за дубовый стол,
Стала добра молодца она угашивать,
Стала у доброго молодца выпрашивать:
«Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец!
Ты какой земли есть да какой орды,
И ты чьего же отца есть да чьей матери?
Еще как же тебя именем зовут,
А звеличают тебя по отечеству?»
А й тут ответ-то держал да добрый молодец:
«И ты почто спрашивать об том, да красна девица?
А я теперь устал, да добрый молодец,
А я теперь устал да отдохнуть хочу».
Как берет тут красна девица да добра молодца,
И как берет его да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Как ведет тут добра молодца
Во тую ли во спальню, богато убрану,
И ложит тут добра молодца на ту кроваточку обманчиву.
Испроговорит тут молодец да таково слово:
«Ай же ты, душечка да красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватку на тесовую».
И как схватил тут добрый молодец
да красну девицу,
И хватил он ей да по подпазушки
И бросил на тую на кроваточку;
Как кроваточка-то эта подвернулася,

И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.
Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:
«А гой же вы, братцы мои да все товарищи
И разудалые да добры молодцы!
Но имай-хватай, вот и сама идет».
Отворяет погреба глубокие,
Выпускает двенадцать да добрых молодцев,
И все сильных могучих богатырей;
Едину оставил саму да во погребе глубоком.
Бьют-то челом да низко кланяются
И удалому да добру молодцу
И старому казаку Илье Муромцу.
И приезжает старенький ко камешку ко Латырю,
И на камешке-то он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».
И направляет добрый молодец да своего коня
И во тую ли дороженьку, да где богату быть.
Во чистом поле наехал на три погреба глубоких,
И которые насыпаны погреба златом-серебром,
Златом-серебром, камением драгоценным;
И обирал тут добрый молодец все злато это серебро
И раздавал это злато-серебро по нищей по братии;
И роздал он злато-серебро по сиротам да бесприютным.
И обращался добрый молодец ко камешку ко Латырю,
И на камешке он подпись подписывал:
«И как очищена эта дорожка прямоезжая».

Мамаево побоище

Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторонушки восточныя
Не темная туча поднималася —
С силой Мамай соряжается
На тот же на красен Киев-град
И хочет красен Киев в полон взять.
И брал он себе силы много-множество -
Сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей,
И за всяким визирем по сту тысячей,
Да брал своего зятя любимого,
Своего Василия Прекрасного,
И брал за ним силы войска триста тысячей,
А за самим за собой войска счету не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля от войска потрясалася;
В конном топище красного солнца не видать было,
А светлый месяц от пару конского померкнул весь, -
Заметно было в городе во Киеве.
Дошла до Мамаю славушка немалая,
Будто в том же городе во Киеве
Будто не стало Ильи Муромца,
Будто все сильные богатыри
Во чисто поле разъехались.
И подходила сила Мамаева
Ко тому же ко чисту полю,
Ко тому ли раздольицу широкому.
Не дошедши они до города до Киева в двухстах верстах,
Развернули шатры белополотняные,
Разостали они войском в лагере,
И поставили они кругом войска стражу строгую.
И говорил тут Мамай таково слово:
«Уж ты гой еси, любимый зять Василий Прекрасный!
Ты садись-ка, Василий, на ременчат стул
И пиши-тко, дитятко, ты ярлыки скорописные,
Не на бумаге пиши, не пером, не чернилами,
А пиши-тко-ся ты на красном бархате,
Ты печатай-ка заголовья красным золотом,
А по самой середке чистым серебром,
А уж мы высадим, подпишем скатным жемчугом,
А на углах-то посадим по камню самоцветному,
Чтобы тем камням цены не было;
А пиши ты на бархате не ласково,
Со угрозами пиши с великими,

Пиши, не давай сроку ни на время ни на малое»,
И писал тут ярлыки любимый зять.
И говорил тут любимый зять таково слово:
«Уж ты гой еси, батюшка Мамай, строгий царь!
Мы кого пошлем посла во Киев-град?»
Говорил Мамай таково слово:
«Уж ты гой еси, любимый зять!
Тебе-ка ехать во красен Киев-град,
А самому остаться в белополотняном шатре
Со своим войском с любимым».
Садился тут Василий на добра коня,
Поехал Василий во Киев-град,
Не дорогой ехал, не воротами,
Через стены скакал городовые,
Мимо башенки те наугольные,
Подъезжает ко двору ко княжескому,
И соскакивал с добра коня удалой,
Заходил же он на красно крыльцо,
Заходил же он во светлу гридню,
И подходил он к столам дубовым
И клал ярлыки те скорописчатые.
И подходил тут Владимир стольнокиевский
И брал ярлыки скорописчатые.
Как в ту пору да во то время
Не ясен сокол да подымается,
А приехал старьи во Киев-град;
Забегает старый на красно крыльцо,
Заходит старый во светлу гридню,
А Владимир стольнокиевский
Горючими слезами уливается;
Не подымаются у его белы руки,
Не глядят у его очи ясные;
Говорил же он тут таково слово:
«Ты бери-тко-ся, старый, ярлыки скорописчатые,
Ты читай-ка их скоро-наскоро —
И что в ярлыках тех написано,
И что на бархате напечатано».
И начал старый читать скоро-наскоро,
Сам читал, а головушкой поматывал,
Даже горючи слезы покаталися.
И вслух читал, все слышали,
А что же в ярлыках написано,
И сроку в ярлыках не дано:
«Не спушу из Киева ни старого, ни малого,
А самого Владимира будут тянуть очи косицами,
А язык-то теменем, – с живого кожу драть буду;
А княгинюшку Апраксию возьму за Василия Прекрасного».
Тогда говорил стар казак таково слово:
«Уж ты гой еси, посланник, строгий царь!

Уж ты дай-ка-ся мне сроку на три года».
– «А не дам я вам сроку на три года».
– «А дай-ка ты нам хошь на два года». -
«А не дам я вам сроку на два года». -
«Дайте сроку хошь на полгода,
А бессрочных и на земле нету».
Давает Василий сроку на полгода,
И угощать стали Василия Прекрасного
Зеленым вином, пивом пьяным,
Пивом пьяным, медом сладким,
И начали дарить золотой казной:
Подарили один кубчик чиста золота,
А другой-от подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хороших,
Дарили еще соболями сибирскими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатом дарили красным.
Принимал Василий подарки великие
И вез к Мамаю в белополотняный шатер.
Во ту пору, во то времечко
Пошел старый по Киеву-граду,
Нашел дружинишку хорошую,
Того ли Потанюшку Хроменького;
Писал ярлыки скорописчатые
Ко своим ко братьятам ко названным:
Во первых-то, к Самсону Колувану,
Во вторых-то, к Дунаю Ивановичу,
Во третьих-то, к Василию Касимерову,
Во четвертых-то, к Михайлушке Игнатьеву с племянником,
Во пятых-то, к Потоку Ивановичу,
Во шестых-то, к Добрынюшке Никитичу,
Во семых-то, к Алеше Поповичу,
В восьмых-то, к двум братьям Иванам,
Да еще к двум братьям, двум Суздальцам.
Поехал Потанюшка во чисто поле,
Собрал всех удалых добрых молодцев,
Русских могучих всех богатырей.
Не ясны соколы солеталися,
Не славны добры молодцы соезжались,
Ко тому ли Владимиру собиралися
И почали думу думати, совет советовать,
И начал старый у них спрашивати:
«Уж вы, удалы добры молодцы!
Постоим-ка мы за веру христианскую
И за те же за храмы за Божие,
И за те же честные монастыри,
И своею мы кровью горячею,
И поедем мы в далече чисто поле на рать – силу великую,

Поедем мы все, покаемся.
А и ты, Владимир стольнокиевский,
Ты пошли-ко нам да во чисто поле
Сорок возов хлеба белого,
Да сорок сороков зелена вина,
Да сорок возов хлеба черного.
Уж как мы живы приедем из рать – силы великия,
Тогда вздумаю позабавиться,
И тогда, не дошедши, моим ребятам низко кланяйся,
А не приедем из того побоища Мамаева, -
Похорони наши тела мертвые
И помяни русских богатырей,
И пройдет славушка про нас немалая».
Садилась добры молодцы на добрых коней,
Поехали добры молодцы во чисто поле,
И расставили они шатры белополотняные,
Гуляли они трои суточки,
А на четвертые сутки протрезвились,
И начали они думу думати, совет советовати,
И стал старый у них спрашивать:
«Уж вы гой еси, сильные русские богатыри!
Кому же из вас съездить в рать – силу великую,
Ко тому же Мамаю богатому,
Посмотреть войско изрядное, -
Со которой стороны начинать нам будет?» -
«На волю мы даем тебе,
Кого пошлешь в рать – силу великую».
И на то старому слово понравилось.
«Еще Самсона послать, – силой силен, да неповоротливый.
Потеряет он у Мамаю буйну голову;
А если Дуная послать, – Дунай он задорливый,
Позадорится заехать во рать – силу великую;
Есть во рати три переката глубоких,
А наставлены в перекатах копыя вострые:
Во-первых, он потеряет добра коня,
А во-вторых, потеряет буйну голову;
Не приехать ко мне Дунаю с весточкой.
Если Добрыню мне послать,
Добрыня все не высмотрит,
И не узнать Добрыне силы Мамаевой;
Если Василия послать, – не сосчитает он силу,
И не пересмотрит ее со краю на край,
Потеряет Василий буйну голову долой;
Больше мне послать и некого.
Будет мне-ко, старому, самому идти.
Вы гуляйте-ко суточки теперь первые,
И гуляйте вы други сутки,
На третьи сутки соряжайтесь
И к ратному делу поезжайте, -

Как зазвенит палица боевая,
И зачивкает моя сабля вострая,
И затрублю я во турий рог,
И во середку в силу не ездите,
А рубите силу со краю на край,
И не оставляйте силы ни старого, ни малого,
И никого не оставляйте Мамаю на семья».
И все стали удалы добры молодцы на резвы ноги,
И поклонилися все низко старому.
И поехал стар во рать – силу великую,
И пробивался старый до бела шатра до Мамаева,
Соскакивал тут старьи со добра коня,
И заходил старый во шатер белополотняный;
Идет старый казак, низко не кланяется.
Увидал тут Мамай в шатре человека странного,
Говорил же Мамай таково слово:
«Уж ты гой еси, Личарда, слуга верная!
И зачем ты ходишь, и что тебе надобно,
И откуль ты идешь, и откуль путь держишь,
Из Киева идешь али из Чернигова?» -
«Иду же я из города из Киева». -
«А и что же ноне во Киеве-то деется,
Не знаешь ли ты то, добрый молодец,
И не слышал ли ты да про старого?
Расскажи-ка ты мне, какой он ростом
И сколь широк он плечьми?»
Отвечает тут калика переходная:
«Уж ты гой еси, Мамай, богатый царь!
Довольно видел я Илью Муромца.
Ты гляди на его всё равно как на меня же,
Ростом он умеренный, в плечах не широк был,
Лицо у него постное, пиво пьет он по стаканчику,
А вино-то пьет он всего по рюмочке,
А закусывает да по калачику.
У старого-то бородушка сивая,
Сивая бородушка да красивая».
А и тут Мамай да прирасхонулся:
«Напрасно же шла славушка великая про старого,
От востоку шла и до запада,
До той орды до великой,
До меня ли, Мамаю грозного;
Лучше меньше гонить бы силы-войска.
Еще есть-ка при мне Рославней Рославнеевич, -
Приготовь-ка для него говядины – быка зараз,
А зелена вина – пивной котел;
А промеж глаз у него калена стрела,
А промеж плечами две сажени печатных».
Ответ держит тут старый казак:
«Ты, безумный богатый царь!

Как у нас-то во городе во Киеве
Собирался у князя Владимира почестен пир,
А была у Владимира собака обжорлива,
По подстолью собака водилася,
Костью та собака подавилася,
Тут собаке и смерть пришла
Не уехать тебе, Мамай, от города от Киева,
Срубит у тебя стар казак буйну голову».
Тут Мамаю за беду стало,
За великую досаду показалось,
И хватил-то Мамай чинжалище – вострый нож,
И шиб в старого вострым ножом,
А на то старый увертлив был, ухватку знал,
И ухватил старый вострый нож в белы руки,
И обратил старый вострый нож,
И заколол старый Мамай, и срубил ему буйну голову,
И разбил палачей много множество,
И добрался до своего добра коня.
Скоро старый на коня вскочил,
И затрубил старый во турий рог,
И сомутились у старого очи ясные,
И разгорелось у старого ретиво сердце;
Не увидел старый свету белого,
Не узнал старый ночи темные,
И расходились у него плечи могучие,
И размахнулись руки белые,
И засвистела у него палица боевая,
И зачивкала его сабелька вострая,
И наехали удалы добры молодцы,
Те же во поле быки кормленные,
Те же сильные могучие богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни старого, ни малого,
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единого на семена,
И протекала тут кровь горячая,
И пар шел от трупья по облака.
Оставались только во лагерях у старого
Два брата – два Суздальца,
Чтобы встретить с приезде богатырей кому быть.
Не утерпели тут два брата Суздальца
И поехали во ту рать – силу великую.
А и приехал тут стар казак со другом,
А встретить-то у лагерей и некому.
И ехали от рать – силы великия
Те два брата, два Суздальца, и сами они похваляются:
«Кабы была теперь сила небесная,
И все бы мы побии ею по полю».
Вдруг от их слова сделалось чудо великое:

Восстала сила Мамаева, и стало силы больше впятеро,
И приехали они ко старому
И ко тем дружинишкам хоробрым,
И начали они рассказывать,
Что мы ехали дорогой, похвалялися,
И восстало силы впятеро.
И сами им во всем повинилися.
Тут поехала дружинишка хоробрая
Во ту рать – силу великую,
И начали бить с краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А встават силы больше прежнего.
Узнал старый пред собой вину,
И покаялся старый Спасу Пречистому:
«Ты прости нас в первой вине,
За те же слова глупые,
За тех же братьев Суздальцей».
И повалилась тут сила кроволитная,
И начали копать мать сыру землю
И хоронить тело да во сыру землю,
И протекала река кровью горячею.
Садилась тут удалы на добрых коней,
Поехали удалы ко городу ко Киеву,
Заехали они в красен Киев-град,
Во те же во честны монастыри,
Во те же пещеры во Киевски;
Там все они и преставилися.
Тут старому славу поют.

Поединок Ильи Муромца и Добрыни Никитича

Ай во том во городи во Рязанюшки,
Доселева Рязань-то слободой слыла,
Нонече Рязань-то словё городом.
В той-то Рязанюшке во городе
Жил-был Никитушка Романович.
Живучись, братцы, Никитушка состарился,
Состарился Никитушка, сам преставился.
Еще жил-то Никита шестьдесят годов,
Снес-де Никита шестьдесят боев,
Еще срывочных, урывочных числа-смету нет.
Оставалась у Никиты любима семья,
Ай любима семья-та – молода жена,
Молодыя Амельфа Тимофеевна;
Оставалось у Никиты чадо милое,
Милое чадушко, любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитич сын.
Остался Добрыня не на возрасте,
Ка-быть ясный-от сокол не на возлете,
И остался Добрынюшка пяти-шти лет.
Да возрос-де Добрыня-та двенадцать лет,
Изучился Добрынюшка вострой грамоте,
Научился Добрынюшка да боротися,
Еще мастер Никитич а крутой метать,
На белы-ти ручки не прихватывать.
Что пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всим городам, по всим украинам,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Муромца,
До стары казака-та Ильи Муромца, -
Что мастер Добрынюшка боротися,
А крутой-де метать на сыру землю;
Еще нету такова борца по всей земли.
Стал тогда Илеюшка собиратися,
Еще стал тогда Илеюшка собронятися
Ай на ту-эту на славушку великую,
На того же на борца на приудалого.
Он седлал, уздал тогда коня доброго,
Ай накладывал уздицу-ту тесмяную,
Ай наметывал седельшко черкасское,
Да застегивал двенадцать вси подпружины,
Застегивал двенадцать вси спенёчки:
Ай подпружины-ти были чиста серебра,
Да спенёчки-ти были красного золота.
И сам тогда стал сбруе приговаривать:

«Булат-железо не погнется,
Самохинский-о шелк сам не порвется,
Еще красно-то золото в грязи не ржавеет».
Только видели Илеюшку собираючись,
Не видели поездочки Ильи Муромца;
Только видели – во поле куревушка вьет.
Он здорово-то ехал поле чистое,
И здорово-то ехал леса темные,
И здорово-то ехал грязи черные.
Еще едет ко Рязанюшке ко городу;
Ко городу ехал не дорогою,
Во город заезжае не воротами, -
Конь скакал же через стену городовую,
Мимо ту же круглу башню наугольную,
Еще сам же говорил тогда таково слово:
«Ай доселева Рязань-то слободой слыла,
И нонече Рязань-то слывет городом».
Увидал-то он маленьких ребятушек,
И сам говорил им таково слово:
«И скажите вы, живет где-ка Добрынюшка?»
Доводили до Добрынина широка двора:
У Добрынюшки двор был неогромистый,
Ай подворьице-то было необширное,
Да кричал-то он, зычал зычным голосом,
Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
Еще мать сыра земля под ним потрясалася,
Ай Добрынина избушка пошатилася,
Ставники в его окошках помитусились,
Стеколенки в окошках пощербалися.
«Э ли в доме Добрынюшка Никитич сын?»
Услыхала-де Амельфа Тимофеевна,
Отпирала-де окошочко косищато
И речь говорила потихошеньку,
Да сама же говорила таково слово:
«Уж и здравствуй, восударь ты, да Илья Муромец!
Добро жаловать ко мне-ка хлеба-соли исть,
Хлеба-соли ко мне исть, вина с медом пить».
Говорил восударь тогды Илья Муромец:
«Еще как меня знашь, вдова, ты именем зовешь,
Почему же ты меня знашь из отечества?»
Говорила Амельфа Тимофеевна:
«И знать-то ведь сокола по вылету,
Еще знать-то богатыря по выезду,
Еще знать молодца ли по поступочки».
Да немного-де Илеюшка разговаривал:
Еще речь говорит – коня поворачиват.
Говорила-де Амельфа Тимофеевна:
«Уж ты гой есть, восударь ты, Илья Муромец!
Ты не буди ты спальчив, буди милослив:

Ты наедешь как Добрынюшку на чистом поли,
Не сруби-тко Добрынюшке буйной головушки;
Добрынюшка у меня ведь молодешенек,
На речах у мя Добрынюшка зашибчивый,
На делах у мя Добрынюшка неуступчивый».
Да поехал восударь тогда во чисто поле.
Он выехал на шоломя на окатисто,
На окатисто-то шоломя, на угористо,
Да увидел под восточной под стороночкой —
Еще ездит дородный добрый молодец,
Потешается потехами веселыми:
Еще мечет свою палицу боёвую,
Да на белы-ти рученьки прихватывал,
Ай ко палице своей сам приговаривал:
«Уж ты палица, палица боёвая!
Еще нету мне тепере поединщика,
Еще русского могучего богатыря».
Говорил восударь тогда Илья Муромец:
«Уж те полно, молодец, ездить, потешатися,
Небылыми словами похвалятися!
Уж мы съедемся с тобой на поле, побратаемся,
Ай кому-то де на поле буде Божья помощь».
Услыхал во Добрынюшка Никитич сын,
Ото сна будто Добрынюшка пробуждается,
Поворачивал своего коня доброго.
А как съехались богатыри на чистом поли,
Ай ударились они палицами боёвыми,
И друг дружки сами они не ранили
И не дали раны к ретиву сердцу.
Как тут съехались во второй након,
Ай ударились они саблями-ти острыми
Они друг дружки сами не ранили,
Еще не дали раны к ретиву сердцу.
А как съехались богатыри во третьей након,
Ударились ведь копьями мурзамецкими,
Еще друг-то дружки сами не ранили,
Еще не дали раны к ретиву сердцу,
Только сабли у них в руках поломались.
Да скакали через гривы-ти лошадиные,
Ай схватилися богатыри большим боём,
Ай большим-то боём да рукопашосным.
Да водилися богатыри по первый час,
Да водилися богатыри по второй час,
Ай водилися богатыри ровно три часа.
Да по Божьей было всё по милости,
По Добрынюшкиной было да по участи:
Подвернулась у Илеюшки права ножечка,
Ослабла у Илеюшки лева ручушка;
Еща пал-то Илеюшка на сыру землю;

Еще сел тогда Добрыня на белы груди,
Сам он говорил ему таково слово:
«Уж ты вой еси, дородный добрый молодец!
Уж ты коего города, какой земли,
Какого сын отца ты, какой матери,
И как, молодца, тебя именем зовут,
Еще как звеличают из отечества?»
Говорит восударь-о Илья Муромец:
«Ай сидел-от кабы я у ты на белых грудях,
Не спросил бы я ни родины, ни вотчины,
А спорол бы я твои да груди белые.
Досмотрил бы я твоёго ретива сердца».
Говорил-то Добрынюшка во второй након;
Говорил тогда Никитич во третей након;
Говорил же восударь тогда Илья Муромец:
«Уж как ежжу я из города из Киева,
Ай старый-де я казак-тот Илья Муромец,
Илья Муромец я ведь сын Иванович».
Да скакал тогда Добрынюшка со белых грудей,
Берё-де Илеюшку за белы руки,
Ай целуё в уста-ти во сахарные:
«Ты прости меня, Илеюшка, в таковой вины,
Что сидел у тебя да на белых грудях!»
Еще тут-де братаны-ти поназванелись:
Ай крестами-ти сами они покрестовались;
Ай Илеюшка-то был тогда ведь больший брат,
Ай Добрынюшка-то был тогда а меньший брат,
Да скакали ведь они на добрых коней,
Ай поехали, братаны, они в Рязань-город
Ай ко той они ко Добрыниной родной матушке.
Да встречает их Амельфа Тимофеевна.
Приехали братаны из чиста поля,
Они пьют-то тогда сами, проклаждаются.
Говорил же восударь тогда Илья Муромец:
«Уж ты гой еси, Амельфа Тимофеевна!
Ты спусти-тко-се Добрынюшку Никитича,
Ты спусти-тко его ты да в красен Киев-град».
Да поехали братаны в красен Киев-град,
А к тому же-де князю ко Владимиру.

Добрыня и Змей

Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты не ездитко на гору сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малых змеенышев,
Не выручай же полону там русского,
Не куплись-ка ты во матушке Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река, сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью».

Молодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут матушки,
Честной вдовы Офимьи Александровной,
Ездил он на гору сорочинскую,
Топтал он тут малых змеенышков,
Выручал тут полону да русского.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
«Матушка Добрынюшке говаривала,
Родная Никитичу наказывала:
Ты не ездитко на гору сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малых змеенышев,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река да е сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Эта матушка Пучай-река
Как ложинушка дождёвая».

Не поспел тут же Добрыня словца молвити,
– Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другою же струйки искра сыплется.
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.
Выходит тут змея было проклятая,
О двенадцати змея было о хоботах:
«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я ныне – Добрынюшку цело сожру,
Захочу – Добрыню в хобота возьму,
Захочу – Добрынюшку в полон несусу».

Испроговорит Добрыня сын Никитинич:

«Ай же ты, змея было проклятая!
Ты поспела бы Добрынюшку да захватить,
В ты пору Добрынюшкой похвастати, -
А нунчу Добрыня не в твоих руках».
Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другом.
Нет у Добрыни коня доброго,
Нет у Добрыни копья вострого,
Нечем тут Добрынюшке поправиться.
Сам же тут Добрыня приужахнется,
Сам Добрыня испроговорит:
«Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка!»
Лежит тут колпак да земли греческой,
А весу-то колпак буде трех пудов.
Ударил он змею было по хоботам,
Отшиб змеи двенадцать тых же хоботов,
Сбился на змею да он с коленками,
Выхватил ножище да кинжалище,
Хоче он змею было пороспластать.
Змея ему да тут смолилася:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Будь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,
Я тебе да сестра меньшая.
Сделаю мы же заповедь великую:
Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору сорочинскую,
Не топтать же zde-ка маленьких змеенышков,
Не выручать полону да русского;
А я тебе сестра да буду меньшая, -
Мне-ка не летать да на святую Русь,
А не брать же больше полону да русского,
Не носить же мне народу христианского».
Отслабил он колен да богатырских.
Змея была да тут лукавая, -
С-под колен да тут змея свернулася,
Улетела тут змея да во ковыль-траву.
И молодой Добрыня сын Никитинич
Пошел же он ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
К своей тут к родители ко матушке,
К честной вдовы Офимье Александровной.
И сам Добрыня порасхвастался:
«Как нету у Добрыни коня доброго,
Как нету у Добрыни копья вострого,
Не на ком поехать нынь Добрыне во чисто поле».
Испроговорит Владимир стольнекиевский:
«Как солнышко у нас идет на вечере,
Почестный пир идет у нас навеселе,
А мне-ка-ва, Владимиру, не весело:
Одна у мня любимая племянничка

И молода Забава дочь Потятична;
Летела тут змея у нас проклятая,
Летела же змея да через Киев-град;
Ходила нунь Забава дочь Потятична
Она с мамками да с няньками
В зеленом саду гулятиться,
Подпадала тут змея было проклятая
Ко той матушке да ко сырой земли,
Ухватила тут Забаву дочь Потятичну,
В зеленом саду да ю гуляючи,
В свои было во хобота змеиные,
Унесла она в пещерушку змеиную».
Сидят же тут два русских могучих богатыря, -
Сидит же тут Алешенька Левонтьевич,
Во других Добрыня сын Никитинич.
Испроговорит Владимир стольнекиевский:
«Вы русские могучие богатыри,
Ай же ты, Алешенька Левонтьевич!
Мошь ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну
Из той было пещеры из змеиною?»
Испроговорит Алешенька Левонтьевич:
«Ах ты, солнышко Владимир стольнекиевский!
Я слышал было на сем свети,
Я слышал же от Добрынюшки Никитича:
Добрынюшка змеи было крестовый брат;
Отдаст же тут змея проклятая Молоду Добрынюшке Никитичу
Без бою, без драки-кроволития
Тут же нунь Забаву дочь Потятичну».
Испроговорит Владимир стольнекиевский:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты достань-ка нунь Забаву дочь Потятичну
Да из той было пещерушки змеиною.
Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить».
Повесил тут Добрыня буйну голову,
Утопил же очи ясные
А во тот ли во кирпичен мост,
Ничего ему Добрыня не отвечает.
Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтение,
Ему нунь за весело пирование.
И пошел же ко родители, ко матушке
И к честной вдовы Офимьи Александровной.
Тут стретает его да родитель-матушка,
Сама же тут Добрыне испроговорит:
«Что же ты, рожоное, не весело,
Буйну голову, рожоное, повесило?
Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Али ествы-ты были не по уму,

Али питьица-ты были не по разуму?
Аль дурак тот над тобою надсмеялся ли,
Али пьяница ли там тебя приобозвал, Али чарою тебя да там приобнесли?»
Говорил же тут Добрыня сын Никитинич,
Говорил же он родители тут матушке,
А честной вдовы Офимьи Александровной:
«А й честна вдова Офимья Александровна!
Ествы-ты же были мне-ка по уму,
А и питьица-ты были мне но разуму,
Чарою меня там не приобнесли,
А дурак тот надо мною не смеялся же,
А и пьяница меня да не приобозвал;
А накинуд на нас службу да великую
Солнышко Владимир стольнекиевский, -
А достать было Забаву дочь Потятичну
А из той было пещеры из змеиною.
А нунь нету у Добрыни коня доброго,
А нунь нету у Добрыни копыя вострого,
Не с чем мне поехать на гору сорочинскую,
К той было змеи нынь ко проклятою».
Говорила тут родитель ему матушка,
А честна вдова Офимья Александровна:
«А рожоное мое ты нынь же дитятко,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Богу ты молись да спать ложись,
Буде утро мудро мудренее буде вечера —
День у нас же буде там прибыточен.
Ты поди-ка на конюшню на стоялюю,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя, -
Батюшков же конь стоит да дедушков,
А стоит бурко пятнадцать лет,
По колен в назем же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назем зарощена».
Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшенке стоялыя,
Повыдернул же дверь он вон из назму,
Конь же ноги из назму да вон выдергиват.
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,
Берет Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялыя,
Кормил коня пшеною белояровой,
Поил питьями медвяныма.
Ложился тут Добрыня на велик одёр.
Ставае он по утрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
А седлае своего да он добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,

А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седельшко,
И сядилса тут Добрыня на добра коня.
Провождает тут родитель его матушка,
А честна вдова Офимья Александровна,
На поезде ему плеточку нонь подала,
Подала тут плетку шамахинскую,
А семи шелков да было разных,
А Добрынюшке она было наказыват:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плетка шамахинская:
Съедешь ты на гору сорочинскую,
Станешь топтать маленьких змеенышев,
Выручать тут полону да русского,
Да не станет твой же бурушко поскакивать,
А змеенышев от ног да прочь отряхивать, -
Ты хлыщи бурка да нунь промеж уши,
Ты промеж уши хлыщи, да ты промеж ноги,
Ты промеж ноги да промеж заднии,
Сам бурку да приговаривай: «Бурушко ты, конь, поскакивай,
А змеенышев от ног да прочь отряхивай!»
Тут простилася да воротилася.
Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехать, не воротами,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору сорочинскую.
Стал топтать да маленьких змеенышев,
Выручать да полону нонь русского.
Подточили тут змееныши бурку да щеточки,
А не стал же его бурушко поскакивать,
На кони же тут Добрыня приужахнется, -
Нунечку Добрынюшке кончинушка!
Спомнил он наказ да было матушкин,
Сунул он же руку во глубок карман,
Выдернул же плетку шамахинскую,
А семи шелков да шамахинских,
Стал хлыстать бурка да он промеж уши,
Промеж уши, да он промеж ноги,
А промеж ноги да промеж заднии,
Сам бурку да приговариват:
«Ах ты, бурушко, да нунь поскакивай,
А змеенышев от ног да прочь отряхивай!»
Стал же его бурушко поскакивать,
А змеенышев от ног да прочь отряхивать.
Притоптал же всех он маленьких змеенышков,
Выручал он полону да русского.
И выходит тут змея было проклятое

Да из той было пещеры из змеиною,
И сама же тут Добрыне испроговорит:
«Ах ты, душенька Добрынюшка Никитинич!
Ты порушил свою заповедь великую,
Ты приехал нунь на гору сорочинскую
А топтать же моих маленьких змеенышев».
Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:
«Ай же ты, змея проклятая!
Я ли нунь порушил свою заповедь,
Али ты, змея проклятая, порушила?
Ты зачем летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?
Ты отдай-ка мне Забаву дочь Потятичну
Без бою, без драки-кроволития».
Не отдавала она без бою, без драки-кроволития,
Заводила она бой-драку великую,
Да большое тут с Добрыней кроволитие.
Бился тут Добрыня со змеей трое сутки,
А не може он побить змею проклятую.
Наконец хотел Добрынюшка отъехать,
– Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:
«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Бился со змеей ты да трое сутки,
А побейся-ка с змеей да еще три часу».
Тут побился он, Добрыня, еще три часу,
А побил змею да он проклятую,
Попустила кровь свою змеиную
От востока кровь она да вниз до запада,
А не прижре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною.
А стоит же тут Добрыня во крови трое сутки,
На кони сидит Добрыня – приужахнется,
Хочет тут Добрыня прочь отъехать.
С-за небесей Добрыне снова глас гласит:
«Ай ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Бей-ка ты копьём да бурземецкиим
Да во ту же матушку сыру землю,
Сам к земли да приговаривай!»
Стал же бить да во сыру землю,
Сам к земли да приговаривать:
«Расступись-ка ты же, матушка сыра земля,
На четыре на все стороны,
Ты прижри-ка эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась было матушка сыра земля
На всех на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь в себя змеиную.
Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошел же по пещерам по змеинным,
Из тьи же из пещеры из змеиною

Стал же выводить да полону он русского.
Много вывел он было князей, князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных
А из той было пещеры из змеиною, -
А не може он найти Забавы дочь Потятичной.
Много он прошел пещер змеинных,
И заходит он в пещеру во последнюю,
Он нашел же там Забаву дочь Потятичну
В той последнею пещеры во змеиною,
А выводит он Забаву дочь Потятичну
А из той было пещерушки змеиною,
Да выводит он Забавушку на белый свет.
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам,
И девицам королевичным,
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да унесены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А собирайтесь вси да по своим местам,
И не троне вас змея боле проклятая.
А убита е змея да та проклятая,
А пропушена да кровь она змеиная,
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь боле полону да русского
И народу христианского,
А убита е змея да у Добрынюшки,
И прикончена да жизнь нунчу змеиная».
А садился тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А садил же он Забаву на право стегно,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.
Испроговорит Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы нунь батюшком, -
И назвать тебя, Добрыня, нунчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимым, -
А назвать тебя, Добрыня, нунчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь другом да любимым, -
В нас же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!»
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
«Ах ты, молода Забава дочь Потятична!
Вы есть нунчу роду княженецкого,

Я есть роду христианского:¹²
Нас нельзя назвать же другом да любимым».

¹² Христианского – крестьянского.

Добрыня и Василий Казимирович

У ласкова князя Владимира
У солнышка у Сеславьича
Было столованьё – почестный пир
На многих князей, бояров
И на всю поляницу богатую,
И на всю дружину на храбую.
Он всех поит и всех чествует,
Он-де всем-де, князь, поклоняется;
И в полупиру бояре напивались,
И в полукушаньях наедались.
Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват,
И могучими плечами поворачиват,
И сам говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои князья и бояре,
Ой ты, вся поляница богатая,
И вся моя дружина храбая!
Кто бы послужил мне, князю, верой-правдою,
Верой-правдою неизменною?
Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Поленецкую,
К царю Батуру Батвесову?
Кто бы сvez ему дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена – за двенадцать лет?
Кто бы сvez сорок телег чиста серебра?
Кто бы сvez сорок телег красна золота?
Кто бы сvez сорок телег скатна жемчуга?
Кто бы сvez сорок сороков ясных соколов?
Кто бы сvez сорок сороков черных соболей?
Кто бы сvez сорок сороков черных выжлоков?
Кто бы сvez сорок сивых жеребцов?»
Тут больший за меньшего хоронится,
Ни от большего, ни от меньшего ответа нет.
Из того только из места из среднего
И со той скамейки белодубовой
Выступал удалой добрый молодец
На свои на ноженьки на резвые,
На те ли на сапожки зелен сафьян,
На те ли каблучки на серебряны,
На те ли гвоздички золочены,
По имени Василий сын Казимерский.
Отошедши Василий поклоняется,
Говорит он таковы слова:
«Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир-князь!
Послужу я тебе верой-правдою,

Позаочи-в-очи не изменю;
Я-де съезжу в землю дальнюю,
В дальнюю землю Поленецкую
Ко тому царю Батуру ко Батвесову;
Я свезу твои дани-пошлины
За те годы, годы прошлые,
За те времена – за двенадцать лет.
Я свезу твое золото и серебро,
Я свезу твой скатной жемчуг,
Свезу сорок сороков ясных соколов,
Свезу сорок сороков черных соболей,
Свезу сорок сороков черных выжлоков,
Я свезу сорок сивых жеребцов».
Тут Василий закручинился
И повесил свою буйну голову,
И потупил Василий очи ясные
Во батюшко во кирпичат пол.
Надевал он черну шляпу, вон пошел
Из того из терема высокого.
Выходил он на улицу на широко,
Идет по улице по широкой;
Навстречу ему удалый добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад.
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерский!
Что идешь ты с пиру невеселый?
Не дошло тебе от князя место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Или кто тебя, Василий, избесчествовал?
Или ты захвастался куда ехати?»
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегат Добрынюшка во второй раз;
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
Ты по имени Василий сын Казимерский!
Что идешь ты с пиру невеселый,
И невесел идешь ты, нерадошен?
Не дошло ль те, Василий, место доброе?
Не дошла ль от князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василий, куда ехати?»
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегат Добрынюшка в третий-де раз;
Пухову шляпу снимат, низко кланется:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерский!
Что ты идешь с пиру невеселый,
Невесел ты идешь с пиру, нерадошен?
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе

Не дошла ль тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчествовал?
Али ты захвастался куда ехати?
Я не выдам тебя у дела ратного
И у того часу скоро-смертного!»
И тут Василий возрадуется.
Сохватал Добрыню он в беремячко,
Прижимат Добрынюшку к сердечушку
И сам говорит таковы слова:
«Гой еси, удалой добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад!
Ты, Добрыня, будь большой мне брат,
А я, Василий, буду меньшей брат:
Я у ласкова князя Владимира
На беседе на почестныя,
На почестныя, на большом пиру
Я захвастался от князя съездити
Во ту во землю во дальнюю
Ко царю Батуру ко Батвесову,
Свезти ему дани-выходы
За те годы – за двенадцать лет:
Свезти туда золото, серебро,
Свезти туда скатный жемчуг,
Свезти сорок сороков ясных соколов,
Свезти сорок сороков черных соболей,
Свезти сорок сороков черных выжлоков,
Свезти сорок сивых жеребцов».
И проговорит Добрыня Никитич млад:
«Не возьмем везти от князя от Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины;
Мы попросим от собаки Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины».
И тут молодцы побратались,
Воротились назад ко князю Владимиру,
Идут они в палаты белокаменны;
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Поклоняются на все стороны:
«Здравствуешь, Владимир-князь,
И со душечкой со княгинею!»
Князьям-боярам на особицу.
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро пожаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василий сын Казимерский,
Со Добрынюшкой со Никитичем!
За один бы стол хлеб-соль кушати!»
Наливает князь чары зелена вина,
Не малы чары – в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам

Принимают молодцы единой рукой,
Выпивают чары единым духом,
И садятся на скамеечки дубовые,
Сами говорят таковы слова:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины;
Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
Привезти от него дани пошлины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир-князь,
Садись ты за дубовый стол,
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
«Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена – за двенадцать лет,
И дай ты нам злата-серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжлоков,
И дай ты нам сивых жеребцов».
Подает ласковый Владимир-князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты;
И берет Василий Казимерский.
И кладет ярлыки во карманчики;
И встают молодцы на резвы ноги,
Сами говорят таковы слова:
«Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
Нам съездить в землю Поленецкую»
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистали молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.
Как из далеча, далеча, из чиста поля
Два коня бегут, да два могучие
Со всею сбруею богатырскою.
Брали молодцы коней за шелков повод
И вставали в стремянушки гольяшные,
И садились во седельшки черкасские.
Только от князя и видели,
Как удалы молодцы садились,
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Подбегают они в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвесову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,

Скоро скакивали со добрых коней;
Ни к чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников,
Отворяли они двери на пяту,
Заходили во палату белокаменну;
Богу молодцы не молятся,
Собаке Батуру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Здравствуешь, собака, царь Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
И вынимат Василий Казимерский,
Вынимат ярлыки скорописчаты
Из того карману шелкового
И кладет на дубовый стол:
«Получай, собака, дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
Распечатывал собака Батур Батвесов,
Распечатывал ярлыки скорописчаты,
А сам говорил таковы слова:
«Гой еси, Василий сын Казимерский,
Отсель тебе не уехати!»
Отвечат Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на Мати чудную Пресвятую Богородицу,
Надеюсь на родимого на брателка,
На того ли братца на названого,
На Добрыню ли на Никитича».
Говорит собака Батур таковы слова:
«Поиграем-те-ко, добры молодцы, костью-картами!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Таковой игры я у те не знал здесь,
И таковых людей из Киева не брал я».
И стал Батур играть костью-картами
Со младым Добрынею Никитичем.
Первый раз собака не мог обыграть,
Обыграл Добрыня Никитич млад.
И второй раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
И в третий раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
Тут собаке за беду стало,
Говорит Батур, собака, таковы слова:
«Что отсель тебе, Василий, не уехати!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на Мати Пресвятую Богородицу
Да надеюсь на родимого на брателка,
На того на братца названого,

На того Добрыню Никитича!»
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,
Станем мы стрелять за три версты,
За три версты пятисотные,
В тот сырой дуб кряковистый,
Попадать в колечко золоченое».
И проговорит Василий сын Казимерский:
«А такой стрельбы я у тебя не знал,
И таковых людей не брал из Киева».
Выходил собака на красно крыльцо,
Зычал-кричал зычным голосом:
«Гой еси вы, слуги мои верные!
Несите мне-ка тугой лук
И несите калену стрелу!»
Его тугой лук несут девять татаринов,
Калену стрелу несут шесть татаринов.
Берет собака свой тугой лук
И берет калену стрелу;
Натягает собака свой тугой лук
И кладет стрелу на тетивочку;
И стреляет он за три версты,
За три версты пятисотные.
Первый раз стрелил – не дострелил,
Второй раз стрелил – перестрелил,
Третий раз стрелил – не мог попасть.
И подает свои тугой лук Добрынюшке,
Добрынюшке Никитичу,
И подает калену стрелу.
Стал натягивать Добрыня тугой лук,
И заревел тугой лук, как лютые звери,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое.
И бросил он тугой лук о сыру землю,
Направлял он калену стрелу наперед жалом,
И бросал он стрелу за три версты,
За три версты пятисотные,
И попадал в сырой дуб кряковистый,
В то колечко золочено:
Разлетался сырой дуб на драночки.
И тут собаке за беду стало,
За великую досаду показалось;
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,
Что отсель тебе не уехати!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на Пречистую Богородицу
Да надеюсь на родимого на брателка,
Да на того братца названного,
На того Добрыню Никитича».

Проговорит собака царь Батур:
«Да нельзя ли с вами, молодцы, побороться?»
Проговорит Василий сын Казимерский;
«Я такой борьбы, собака, не знаывал,
Таковых людей не брал из Киева».
И тут собаке за беду стало:
Он кричал, зычал, собака, зычным голосом,
Набежало татар и силы-сметы нет.
И выходил Добрыня на улицу на широку,
И стал он по улочке похаживать.
Схватились за Добрыню три татарина:
Он первого татарина взял – разорвал,
Другого татарина взял – растоптал,
А третьего татарина взял за ноги,
Стал он по силе похаживать,
Зачал белыми руками помахивать,
Зачал татар поколачивать:
В одну сторону идет – делат улицу,
Вбок повернет – переулочек.
Стоял Василий на красном крыльце,
Не попало Василью палицы боевья,
Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копья мурзамецкого —
Попала ему ось белодубова,
Ось белодубова семи сажен;
Сохватал он ось белодубову,
Зачал он по силе похаживать
И зачал татар поколачивать.
Тут собака испужается,
По подлавке навалается;
Выбегал собака на красно крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
«Гой еси, удалы добры молодцы!
Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
Вы оставьте мне татар хоть на племена!»
Тут его голосу молодцы не слушают.
Зычит, кричит собака зычным голосом:
«Я отдам ласкову князю Владимиру,
Отдам ему дани и пошлины
За те годы за прошлые,
За те времена – за двенадцать лет,
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлоков,
Отдам сорок сивых жеребцов».
Тут его молодцы послушались,

Бросали худой бой о сыру землю;
Идут они ко высокому нову терему,
Выдает им собака дани-пошлины,
Насыпает тележки златокованные,
Отправляет в стольный Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тут садились добры молодцы на добрых коней,
Вставали в стремяшки гольяшные
И садились в седельшки черкасские.
И поехали молодцы в свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Едут ко высокому нову терему,
Становятся на улицу на широку;
Воходят во палату белокаменную,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь!» —
«Добро жаловать, удалы добры молодцы!»
Он садит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зелена вина,
Не малые чары – в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают добры молодцы единой рукой,
Выпивают добры молодцы единым духом.
На резвы ноги стают, низко кланяются.
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Привезли мы тебе дани-пошлины,
От собаки Батура Батвесова!»
Кланяется им ласковый Владимир-князь,
Кланяется до сырой земли:
«Спасибо вам, удалы добры молодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною!»

Бой Добрыни с Дунаем

Еще ездил Добрынюшка во всей земли,
Еще ездил Добрынюшка по всей страны;
А искал себе Добрынюшка наездника,
А искал себе Добрыня супротивника:
Он не мог же найти себе наездничка,
Он не мог же найти себе сопротивничка.
Он поехал во далече во чисто поле,
Он завидял, где во поле шатер стоит.
А шатер-де стоял рытого бархата;
На шатри-то-де подпись была подписана,
А подписано было со угрозою:
«А еще кто к шатру приедет, – дак живому не быть,
А живому тому не быть, прочь не уехати».
А стояла в шатре бочка с зеленым вином;
А на бочке-то чарочка серебряна,
А серебряна чарочка позолочена,
А не мала, не велика, полтора ведра.
Да стоит в шатри кроваточка тесовая;
На кроваточке перинушка пуховая,
А слезывал-де Добрынюшка со добра коня,
Наливал-де он чару зелена вина.
Он перву-ту выпил чару для здоровьица,
Он втору-ту выпил для весельица,
А он третью-ту выпил чару для безумьица,
Сомутились у Добрынюшки очи ясные,
Расходились у Добрынюшки могучи плеча.
Он разорвал шатер дак рытого бархату,
Раскинал он-де по полю по чистому,
По тому же по раздольицу широкому;
Распинал-де он бочку с зеленым вином,
Растоптал же он чарочку серебряну;
Оставил кроваточку только тесовую,
А и сам он на кроваточку спать-де лег.
Да и спит-то Добрынюшка нонче суточки,
Да и спит-де Добрыня двой суточки,
Да и спит-де Добрынюшка трой суточки,
Кабы едет Дунай сын Иванович,
Он и сам говорит дак таковы слова:
«Кажись, не было не бури и не падеры, -
А все мое шатрышко развоевано,
А распинана бочка с зеленым вином,
И растоптана чарочка серебряна,
А серебряна чарочка позолочена,
А оставлена кроваточка только тесовая,
На кроваточке спит удалой добрый молодец».
Сомутились у Дунаюшки очи ясные,

Разгорело у Дуная да ретиво сердце,
Закипела во Дунае кровь горячая,
Расходилися его дак могучи плеча.
Он берет же свою дак сабельку вострую,
Замахнулся на молодца удалого;
А и сам же Дунаюшко що-то прираздумался:
«А мне сонного-то убить на место мертвого;
А не честь моя хвала будет богатырская,
А не выслуга будет молодецкая».
Закричал-то Дунаюшко громким голосом,
Ото сну-де Добрынюшка пробужается,
Со великого похмельица просыпается.
А говорят тут Дунаюшко сын Иванович!
«Уж ты ой еси, удаленький добрый молодец!
Ты зачем же разорвал шатер дак рыта бархата;
Распинал ты мою боченьку с зеленым вином;
Растоптал же ты чарочку мою серебряну,
А серебряну чарочку позолочену,
Подаренья была короля ляховинского?»
Говорят тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын ты Иванович!
А вы зачем же пишете со угрозами,
Со угрозами пишете со великими?
Нам бояться угроз дак богатырских,
Нам нечего ездить во поле поляковать».
Еще тут, молодцы, они прираспорили,
А скочили, молодцы, они на добрых коней,
Как съезжаются удаленьки добры молодцы;
А они билися ведь палочками буёвыми,
Рукояточки у палочек отвернулись,
Они тем боем друг дружку не ранили.
Как съезжаются ребяташки по второй-де раз;
Они секлися сабельками острыми,
У них острые сабельки исцербалися,
Они тем боём друг дружку не ранили.
А съезжаются ребяташки во третий раз;
А кололися копьями-де острыми -
Долгомерные ратовища по семь сажень,
По насадочкам копыща свернулись,
Они тем боём друг дружку не ранили.
А тянулися тягами железными
Через те же через гривы лошадиные,
А железные тяги да изорвалися,
Они тем боём друг дружку не ранили.
Соскочили ребяташки со добрых коней
А схватилися плотным боем, рукопашкою,
А еще борются удаленьки добры молодцы,
А еще борются ребяташки двой суточки,
А и борются ребяташки трой суточки;

По колен они в землю да утопталися,
Не которой один друга не переборет.
Там ездил стары казак по чисту полю;
А и был с им Алешенька Попович-от,
Да и был с им Потык Михайло Долгополович.
Говорыт тут стары казак Илья Муромец:
«Мать сыра да земля дак потряхается,
Где-то борются удалы есть добрые молодцы».
Говорыт тут стары казак Илья Муромец:
«Нам Алешеньку послать – дак тот силой лёгок;
А Михайла послать – дак неповоротливый,
А во полах-де Михайло заплетется же;
А и ехать будет мне самому, старому;
Как два русских-де борются, надо разговаривать,
А и русский с неверным, дак надо помощь дать,
А два же нерусских, дак надо прочь ехать».
А поехал стары казак Илья Муромец;
Он завидел-де на поле на чистом
Еще борются удалы-то добры молодцы.
А подъезжает стары казак Илья Муромец,
Говорит тут Дунаюшко сын Иванович:
«Воно едет стары казак Илья Муромец,
А стары-то казак мне-ка приятель-друг,
А он пособит убить в поле неприятеля».
А говорит-то Добрынюшка Никитич млад:
«А евоно едет стары казак Илья Муромец;
А стары-то казак мне как крестовый брат,
А мне пособит убить в поле татарина».
А приезжает стары казак Илья Муромец,
Говорыт-то стары казак таковы слова:
«Уж вы ой еси, удаленьки добрые молодцы!
Вы об чем же бытись, да об чем вы боретесь?»
Говорит-то Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Как стоял у меня шатер в поле рытого бархату,
А стояла в шатри бочка с зеленым вином;
А на бочке-то чарочка серебряна,
И серебряна чарочка позолочена,
И не мала, не велика – полтора ведра,
Подареньице короля было ляховинского.
Он разорвал шатер мой рытого бархату,
А раскинал-де по полю по чистому,
По тому же по раздольицу широкому;
Распинал он-де бочку с зеленым вином;
Растоптал он же чарочку серебряну,
А серебряную чарочку позолочену».
А говорит-то стары казак Илья Муромец;
«Ты за это, Добрынюшка, не прав будешь».
Говорит-то Добрынюшка таковы слова:

«Уж ты ой еси, старый казак Илья Муромец!
Как стоял у него шатер в поле рытого бархата;
А на шатри-то-де подпись была подписана,
И подписана подрезь была подрезана,
И подрезано было со угрозою:
«Еще кто к шатру приедет, – живому тому не быть,
Живому-де не быть, прочь не уехати», -
Нам боеться угроз дак богатырских,
Нам нечего ездить-делать во полё поляковать».
А говорят тут стары казак Илья Муромец:
«Ты за это, Дунаюшко, не прав будешь;
А ты зачем же ведь пишешь со угрозами?
А мы поедем-ко тепериче в красен Киев-град.
А мы поедем ко князю ко Владимиру,
А поедем мы тепере на великий суд».
Скочили ребятаушки на добрых коней,
И поехали ребята в красен Киев град,
А ко тому они ко князю ко Владимиру.
Приезжали ребятаушки в красен Киев-град,
Заходили ко князю ко Владимиру.
Говорил тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Как стоял у мя шатер во поле рыта бархату,
Во шатри была боченька с зеленым вином;
А на бочке и была чарочка серебряна,
И серебряная чарочка позолочена,
Подаренья короля было ляховинского,
Он разорвал шатер мой рытого бархату,
Распинал он-де боченьку с зеленым вином,
Растоптал же он чарочку серебряну,
А серебряну чарочку позолочену».
Говорит тут Владимир стольнокиевский:
«И за это, Добрынюшка, ты не прав будешь».
А говорят тут Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
И стоял у его в поле черлен шатер;
А на шатри-то-де подпись была подписана,
И подписано-то было со угрозою:
«А еще кто к шатру приедет, – дак живому не быть,
А живому тому не быть, прочь не уехати»;
А нам боеться угроз дак богатырские,
Нам нечего ездить во поле поляковать».
А говорят тут Владимир таковы слова;
«И за это Дунаюшко ты не прав будешь;
И зачем же ты пишешь со угрозами?»
А посадили Дуная во темный погреб же
А за те же за двери за железные,
А за те же замочки задвижные.

Добрыня и Дунай сватают невесту князю Владимиру

Во стольном-то городе во Киеве Да у ласкового князя да у Владимира,
У ёго было пированье, да был почестен пир.
А и было на пиру у ёго собрано:
Князья и бояра, купцы-гости торговли
И сильны могучи богатыри,
Да все поляницы да преудалые.
Владимир-от князь ходит весел-радостен,
По светлой-то гридне да он похаживает,
Да сам из речей да выговаривает:
«Уж вы ой еси, князи да нонче бояра,
Да все же купцы-гости торговые,
Вы не знаете ли где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне-ка да супротивницы,
Супротивницы мне-ка да красной девицы:
Красотой бы красна да ростом высока,
Лицо-то у ней да было б белый снег,
Очи у ней да быв у сокола,
Брови черны у ей да быв два соболя,
А реснички у ей да два чистых бобра?»
Тут и больш-от хоронится за среднего,
Да средн-ет хоронится за меньшего:
От меньших, сидят, долго ответу нет.
А из-за того стола из-за среднего,
Из-за той же скамейки да белодубовой
Выстават тут удалый да добрый молодец,
А не провелик детинушка, плечьми широк,
А по имени Добрынюшка Никитич млад.
Выстават уж он да низко кланяется,
Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский!
А позволь-ко-се мне-ка да слово молвити:
Не вели меня за слово скоро сказнить,
А скоро меня сказнить, скорее того повесити,
Не ссылай меня во ссылочку во дальнюю,
Не сади во глубоки да темны погребы.
У тя есть нонь двенадцать да тюрем темных;
У тя есть там сидит как потюрёмщикек,
Потюрёмщикек сидит есть да добрый молодец,
А по имени Дунай да сын Иванович;
Уж он много бывал да по другим землям,
Уж он много служил да нонь многим царям,
А царям он служил, много царевичам,
Королям он служил да королевичам;
А не знат ли ведь он тебе обручницы,
А обручницы тебе да супротивницы,
Супротивницы тебе да красной девицы?»

Говорит тут князь Владимир да столянокиевский:
«Уж вы, слуги, мои слуги да слуги верные!
Вы сходите-тко ведь нонче да в темны погребы,
Приведите вы Дуная сына Ивановича».
Тут и скоро сходили да в темны погребы,
Привели тут Дуная сына Ивановича.
Говорит тут князь Владимир да столянокиевский:
«Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Иванович!
Скажут, много ты бывал, Дунай, по всем землям,
Скажут, много живал, Дунай, по украинам,
Скажут, много ты служил, Дунай, многим царям,
А царям ты служил, много царевичам,
Королям ты служил да королевичам.
Ты не знаешь ли ведь где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне да супротивницы,
Супротивницы мне-ка да красной девицы?»
Говорит тут Дунай как да сын Иванович:
«Уж я где не бывал, да нонче всё забыл:
Уж я долго сидел нонь да в темной темнице».
Еще в та поре Владимир да столянокиевский
Наливал ему чару да зелена вина,
А котора-де чара да полтора ведра;
Подносил он Дунаю сыну Ивановичу,
Принимал тут Дунай чару да единой рукой.
Выпивал он ведь чару да к едину духу;
Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты, князь Владимир да столянокиевский!
Уж я много нонь жил, Дунай, по всем землям,
Уж я много нонь жил да по украинам,
Много служивал царям да я царевичам,
Много служивал королям я да королевичам.
Я уж жил-де-был в земли, да в земли в дальнее,
Я во дальней жил в земли да ляховинское,
Я у стремена у короля Данила сына Манойловича;
Я не много поры-времени, двенадцать лет.
Еще есть у ёго да как две дочери.
А больша-то ведь дочи да то Настасия,
Еще та же Настасья да королевична;
Еще та же Настасья да не твоя чета,
Не твоя чета Настасья и не тебе жена:
Еще зла поляница да преудалая.
А мала-то дочи да то – Апраксия,
Еще та Апраксия да королевична;
Красотой она красива да ростом высока,
А лицо-то у ей дак ровно белый снег,
У ней ягодницы быв красные мазовицы,
Ясны очи у ей да быв у сокола,
Брови черны у ей быв два соболя,
А реснички у ей быв два чистых бобра;

Еще есть-де кого дак уж княгиней назвать,
Еще есть-де кому да поклониться».
Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:
«Уж ты ой, тихой Дунай да сын Иванович!
Послужи ты мне нонче да верой-правдою;
Ты уж силы-то бери да сколько тебе надобно,
Поезжайте за Апраксией да королевичной:
А добром король дает, дак вы и добром берите;
А добром-то не даст, – берите силою,
А силой возьмите да богатырскою,
А грозою увезите да княженецкою».
Говорит тихой Дунай да сын Иванович:
«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский,
Мне-ка силы твоей много не надобно,
Только дай ты мне старого казака,
А второго Добрыню сына Никитича:
Мы поедем за Апраксией да королевичной».
То и будут богатыри на конюшен двор;
А седлали-уздали да коней добрых;
И подвязывали седельшки черкасские;
И подвязывали подпруги да шелку белого,
Двенадцать подпруг да шелку белого,
Тринадцата подпруга через хребетну кость:
«То не ради басы, да ради крепости,
А все ради храбрости молодецкие,
Да для ради опоры да богатырского,
Не оставил бы конь да во чистом поли,
Не заставил бы конь меня пешом ходить».
Тут стоели-смотрели бояра со стены да городовые,
А смотрели поездку да богатырскую;
И не видели поездки да богатырское,
А только они видели, как на коней садились:
Из города поехали не воротами, -
Они через ту стену да городовую,
А через те башни да наугольные;
Только видели: в поле да курева стоит,
Курева та стоит да дым столбом валит.
Здрavo стали они да полем чистым;
Здрavo стали они да реки быстрые;
Здрavo стали они да в землю в дальнюю,
А во дальнюю землю да в Ляховинскую
А ко стремяну ко королю ко красну крыльцу.
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж вы ой еси, два брата названные,
А старый казак да Илья Муромец,
А второй-де Добрынюшка Никитич млад!
Я пойду нонь к королю как на красно крыльцо,
Я зайду к королю нонь на новы сени,
Я зайду к королю как в светлу да светлицу;

А що не тихо, не гладко учинится с королем да на новых сенях, -
Затопчу я во середи кирпичные,
Поезжайте вы по городу ляховинскому,
Вы бейте татаровой со старого,
А со старого бейте да вы до малого,
Не оставляйте на семена татарские».
Тут пошел тихой Дунай как на красно крыльцо, -
Под ним лисвенки-то да изгибаются.
Заходил тихой Дунай да на новы сени;
Отворят он у гридни да широки двери;
Наперед он ступат да ногой правою,
Позади он ступат да ногой левою;
Он крест-от кладет как по-писаному,
Поклон-от ведет он да по-ученому;
Поклоняется на все на четыре да кругом стороны,
Он во-первых-то королю ляховинскому:
«Уж ты здравствуешь, стремян король Данило да сын Манойлович!» —
«Уж ты здравствуешь, тихой Дунай да сын Иванович!
Уж ты ко мне приехал да на пиры пировать,
Али ты ко мне приехал да нонь по-старому служить?»
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты, стремян король Данило да сын Манойлович!
Еще я к тебе приехал да не пиры пировать,
Еще я к тебе приехал да не столы столовать,
Еще я к тебе приехал да не по-старому служить,
Мы уж ездим от стольного города от Киева,
Мы от ласкового князя да от Владимира;
Мы о добром деле ездим да все о сватовстве
На твоей на любимой да нонь на дочери,
На молодой Апраксии да королевичне.
Уж ты дашь, ли не дашь, или откажешь-то?»
Говорит стремян король Данило Манойлович:
«У вас стольн-ёт ведь город да быв холопской дом,
А князь-от Владимир да быв холопищо;
Я не дам нонь своей дочери любимое.
Молодой Апраксии да королевичны».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой, стремян король Данило да сын Манойлович!
А добром ты даешь, дак мы и добром возьмем;
А добром-то не дашь, — дак возьмем силою,
А силой возьмем мы да богатырскою,
Грозой увезем мы да княженецкою».
Пошел тут Дунай да вон из горенки,
Он стукнул дверьми да в ободверины, -
Ободверины-ти вон да обе вылетели,
Кирпичны-ти печки да рассыпалися,
Выходил тут Дунай как да на новы сени,
Заревел-закричел да громким голосом,
Затоптал он во середи кирпичные:

«Уж вы ой еси, два брата названные!
Поезжайте вы по городу ляховинскому;
Вы бейте татаровой со старого,
Со старого вы бейте да и до малого;
Не оставляйте на семена татарские».
Сам пошел тихой Дунай тут да по новым сениям,
По новым сениям пошел да ко третьим дверям;
Он замки-ти срывал да будто пугови.
Он дошел до Апраксии да королевичны:
Апраксеюшка сидит да ведь красенца ткет,
А ткет она сидит да золоты красна.
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой, Апраксия да королевична!
Ты получше которо, дак нонь с собой возьми,
Ты похуже которо, да то ты здесь оставь;
Мы возьмем-увезем да тебя за князя,
А за князя да за Владимира».
Говорит Апраксия да королевична:
«А нету у меня нонь да крыла правого,
А правого крыльшка правильного;
А нету сестрицы у мня родимые,
Молодой-де Настасьи да королевичны;
Она-то бы с вами да приуправилась».
Еще в та поре Дунай тут да сын Иванович
Он брал Апраксию да за белы руки,
За ее же за перстни да за злаченые;
Повел Апраксею да вон из горенки.
Она будет супротив как да дверей батюшковых,
А сама говорит да таково слово:
«Государь ты, родитель да мой батюшка!
Ты по що же меня нонь да не добром отдаешь,
А не добром ты отдаешь, да ведь уж силою;
Не из-за хлеба давашь ты да не из-за соли,
Со великого давашь ты да кроволития?
Еще есть где ведь где-ле да у других царей,
А есть-де у их да ведь и дочери,
Все из-за хлеба дают да из-за соли».
Говорит тут король да ляховинские:
«Уж ты, тихой Дунай, ты да сын Иванович!
Тя покорно-де просим хлеба-соли кушати».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«На приездинах гостя не употчевал,
На поездинах гостя да не учествовать».
Выходил тут Дунай да на красно крыльцо;
Он спускался с Апраксией да с королевичной;
Садил-де он ей да на добра коня,
На добра коня садил да впереди себя.
Вопил он, кричел своим громким голосом:
«Вы ой еси, два брата названные!

Мы пойдем же нонь да в стольно-Киев-град».
Тут поехали они да в стольно-Киев-град,
А едут-де они да ведь чистым полем, -
Через дорогу тут лошадь да переехала,
А на ископытях у ней подпись подписана:
«Хто-де за мной в сугон погонится,
А тому от меня да живому не быть».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой, старой казак ты, да Илья Муромец!
Ты возьми у меня Апраксию да на своя коня,
На своя коня возьми ты да впереди себя;
А хоша ведь уж мне-ка да живому не быть,
Не поступлюсь я полянице да на чистом поли».
А сам он старику да наговаривает:
«Уж ты ой, старой казак да Илья Муромец!
Ты уж чёстно довези до князя до Владимира
Еще ту Апраксию да королевичну».
А тут-то они да и разъехались;
Поехал Дунай за поляницею,
А богатыри поехали в стольно-Киев-град.
Он сугит поляницу да на чистом поли.
А стали они да тут стрелетися.
Как устрелила поляница Дуная сына Ивановича,
А выстрелила у его да она правый глаз;
А стрелил Дунай да поляницу опять, -
А выстрелил ей да из седёлка вон,
Тут и падала поляница да на сыру землю.
А на ту пору Дунаюшко ухватчив был;
Он и падал полянице да на белы груди,
Из-за налучья выхватил булатный нож,
Он хочет пороть да груди белые,
Он хочет смотреть да ретиво сердце,
Он сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, поляница да преудалая!
Ты уж коего города, коёй земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, поляница, да именём зовут,
Тебя как величают да из отечества?»
Лежочись поляница да на сырой земле,
А сама говорит да таково слово:
«Кабы я была у тя на белых грудях, -
Не спросила бы ни имени, ни вотчины,
Ни отечества я, ни молодечества,
Я бы скоро порола да груди белые,
Я бы скоро смотрела да ретиво сердце».
Замахнулся тут Дунай да во второй након;
А застоялась у ёго да рука правая;
Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, поляница да преудалая,

Ты уж коего города, коей земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, поляница, да именём зовут,
Тебя как величают да из отечества?»
Лежочись поляница да на сырой земле,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, тихой Дунай сын Иванович!
А помнишь ли ты, али не помнишь ли?
Похожено было с тобой, поезжено,
По тихим-то вёшным да все по заводям,
А постреляно гусей у нас, белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицей».
Говорит тут тихой Дунай сын Иванович:
«А помню-супомню да я супамятую;
Похожено было у нас с тобой, поезжено,
На белых твоих грудях да приулёжано.
Уж ты ой еси, Настасья да королевична!
Увезли ведь у вас мы нонь родну сестру,
Еще ту Апраксию да королевичну,
А за князя да за Владимира.
А поедем мы с тобой в стольно-Киев-град».
Тут поехали они как да в стольно-Киев-град
А ко князю Владимиру на свадебку.
А приехали они тут да в стольно-Киев-град,
Пировали-столовали да они у князя.
Говорит тут ведь тихой Дунай сын Иванович:
«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский!
Ты позволь-ко-ся мне-ка да слово молвити;
Хошь ты взял нониче меньшу сестру, -
Бласлови ты мне взять нонче большу сестру,
Еще ту же Настасью да королевичну».
Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:
«Тебе Бог бласловит, Дунай, жениться».
Веселым-де пирком да то и свадебкой
Поженился тут Дунай да сын Иванович.
То и сколько-ли времени они пожили,
Опеть делал Владимир да князь почестен пир.
А Дунай на пиру да прирасхвастался:
«У нас нет нонь в городе сильне меня,
У нас нету нонь в Киеве горазне меня».
Говорила тут Настасья да королевична:
«Уж ты ой, тихой Дунай да сын Иванович!
А старый казак будет сильне тебя,
Горазне тебя дак то и я буду».
А тут-то Дунаю да не зандравилось;
А тут-то Дунаю да за беду пришло,
За велику досаду да показалось.
Говорит тут Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Настасья да королевична:

Мы пойдем-ка с тобой нонь да во чисто поле;
Мы уж станем с тобой да нонь стреляться,
Мы во дальнюю примету да во злачень перстень».
И пошли-де они да во чисто поле.
И положила Настасья перстень да на буйну главу
А тому же Дунаю сыну Ивановичу;
Отошла-де она да за три поприща;
А и стрелила она да луком ярым-е,
Еще надвое перстень да расколупится,
Половинка половиночки не убьет же.
Тут и стал-де стрелять опять Дунаюшко:
А перв-от раз стрелил, дак он не дострелил,
А втор-от раз стрелил, дак он перестрелил.
А и тут-то Дунаю да за беду пришло,
За велику досаду да показалось;
А метит-де Настасью да он уж третий раз.
Говорыла Настасья да королевична:
«Уж ты ой, тихой Дунай, ты да сын Иванович!
А и не жаль мне князя да со княгинею,
И не жаль сёго мне да свету белого:
Только жаль мне в утробе да млада отрока».
А тому-то Дунай да не поверовал;
Он прямо спустил Настасье во белы груди, -
Тут и падала Настасья да на сыру землю.
Он уж скоро-де падал Настасье на белы груди, -
Он уж скоро порол да груди белые,
Он и скоро смотрел да ретиво сердце;
Он нашел во утробы да млада отрока:
На лбу у него подпись-то подписана:
«А был бы младень этот силен на земли».
А тут-то Дунаю да за беду стало,
За велику досаду да показалось;
Становил ведь уж он свое востро копые
Тупым-де концом да во сыру землю,
Он и сам говорил да таково слово:
«Протеки от меня и от жены моей,
Протеки от меня, да славный тихой Дон».
Подпирался ведь он да на востро копые, -
Еще тут-то Дунаю да смерть случилась.
А затем-то Дунаю да нонь славы поют,
А славы-то поют да старины скажут.

Добрыня и Маринка

В стольном в городе во Киеве
У славного сударь князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятый год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулочкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатъевску
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкий двор,
На ее высокие терема.
А у молоды Марины Игнатъевны,
У нее на хорошем высоком терему
Сидят тут два сизые голубя,
Над тем окошком косящатым,
Целуются они, милоются,
Желты носами обнимаются.
Тут Добрыне за беду стало,
Будто над ним насмеваются;
Стреляет в сизых голубей;
А спела ведь тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрела.
По грехам над Добрынею учинилося,
Левая нога его поскользнула,
Права рука удрогнула,
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящатое,
Проломил он оконницу стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб он зеркало стекольчатое;
Белодубовы столы пошатались,
Что питья медяные всплеснулись.
А втапоры Марине безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася
И бросилася на свой широкий двор:
«А кто это, невежа, на двор заходил,
А кто это, невежа, в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб зеркало стекольчатое».

И втапоры Марине за беду стало,
Брала она следы горячие молодецкие,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленную
Со темя следы горячими,
Разжигает дрова палящатым огнем,
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Как у молода Добрынюшки Никитьевича.
А и Божья крепко, вражья-то лепко».
Взяла Добрыню пуше вострого ножа
По его по сердцу богатырскому:
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Он белого свету дожидается.
По его-то щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням.
Встает Добрыня ранешенько,
Подпоясал себе сабельку вострую,
Пошел Добрыня к заутрени;
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкий двор,
У высокого терема послушает.
А у молоды Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкие,
Все тут были жены молодецкие.
Вшел он, Добрыня, во высок терем, -
Которые девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.
Втапоры Добрыня ни во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел.
А стала его Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчата,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось;
Сбежал на крылечка на красная.
А двери у терема железные,
Заперлася Марина Игнатьевна,
А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железные недоладом,
Из пяты он вышиб вон,
И сбежал он на сени косящаты.

Бросилась Марина Игнатъевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, засельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчатую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое».
А бросится Змеища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб,
А и сам тут Змей почал бранити его,
Больно пеняти:
«Не хочу я звати Добрынею, Не хочу величать Никитичем,
Называю те детиною деревенщиною,
«Деревенщиною» и засельщиною;
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое?»
Ему тута-тко, Добрыне, за беду стало
И за великую досаду показалось;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебе,
Змея, изрублю я В мелкие части пирожные,
Разбросаю далече по чистом полю?»
А и тут Змей Горынич, хвост поджав,
Да и вон побежал;
Взяла его страсть, так зачал...
Окольшки метал, по три пуда...
Бегучи, он, Змей, заклинается:
«Не дай Бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливее».
А молода Марина Игнатъевна
Она высунулась по пояс в окно,
В одной рубашке без пояса;
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежа, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
А еще хошь, я Добрыню оберну гнедым туром?»
Обвернула его, Добрыню, гнедым туром,
Пустила его далече во чисто поля,
А где-то ходят девять туров,
А девять туров, девять братеников,
Что Добрыня им будет десятый тур,
Всем атаман золотые рога.
Безвестна не стало богатыря,
Молода Добрыни Никитъевича,
Во стольном в городе во Киеве.

А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть месяцев, -
По-нашему-то, сибирскому, слывет полгода.
У великого князя вечеринка была,
А сидели на пиру честные вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,
Честна вдова Афимья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладные.
Ниоткуль взялась тут Марина Игнатъевна,
Водилася с дитятыми княженецкими;
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно, Марина, похваляется.
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольном во городе во Киеве
А я нет меня хитрея, мудрея, -
А и я-де обвернула девять молодцов,
Сильных могучих богатырей, гнедыми турами;
А и ноне я-де опустила десятого,
Молодца Добрыню Никитьевича,
Он всем атаман золотые рога».
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зелена вина,
Подносила любимой своей кумушке,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича, -
Извела его Марина Игнатъевна,
А и ноне на пиру похваляется».
Проговорит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышала,
А слышала речи ее похваленые».
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
Сшибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:
«А и сука ты, ..., еретница...!
Я-де тебе хитрея и мудреня,
Сижу я на пиру, не хвастаю,

А и хошь ли, я тебя сукой обверну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина, много за собой псов водить».
А и женское дело прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое.
Обвернулася Маринка касаточкой,
Полетела далече во чисто поле,
А где-то ходят девять туров, Девять братеников,
Добрыня-то ходит десятый тур;
А села она на Добрыню, на правый рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чисто поле наскучило
И зыбучие болота напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, жениться?
Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?» —
«А право, возьму, ей-богу возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат».
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула его добрым молодцем,
По-старому, по-прежнему,
Как бы сильным могучим богатырем,
Сама она обвернулася девицею;
Они в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчались.
Повел он ко городу ко Киеву,
А идет за ним Марина раскорякою.
Пришли они ко Марине на высок терем,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатъевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися.
А и чай моя вострая сабля заржавела?»
А и стал Добрыня жену свою учить, Он молоду Марину Игнатъевну,
Еретницу, ..., безбожницу:
Он первое ученье – ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчища»;
А второе ученье – ноги ей отсек:
«А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчищем»;
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти-де мне губы не надобны,

Целовали они Змея Горынчища»;
Четвертое ученье – голову отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретические».

Женитьба Добрыни

Как ехал он, Добрыня, целы суточки,
Как и выехал на дорожку на почтовую.
Как едет Добрынюшка-то почтовой,
Как едет-то Добрынюшка, посматриват,
Как видит – впереди его проехано,
На коне-то, видит, ехано на богатырском.
Как стал-то он коня своего подшевеливать,
Как стал-то он плетью натягивать,
Догнать надь и этого богатыря.
Как ехал-то Добрынюшка скорёшенько,
Как нагнал-то богатыря да чужестранного,
Скричал Добрыня тут да во всю голову:
«Как сказывай топеру, какой земли,
Какой же ты земли да какой орды,
Чьего же ты отца да чьей матери?»
Как говорит богатырь нунуку:
«Если хочется узнать тебе-то топеру,
Дак булатом-то переведаем».
Как налетел-то Добрынюшка скорёшенько,
Как разгорелось его сердце богатырское,
Как хотел-то еще хлопнуть палицей богатыря,
Как рука у него в плечи застоялася,
Как отвернулся тут Добрыня поскорёшенько,
Как повыехал Добрыня в сторонку,
Поразъехался теперь да на палицы
И ударил палицей стародревний дуб;
Как все тут на куски разлетелось,
И знает, что силушка по-старому;
Как отправился по-старому к богатырю
И кричал-то тут Добрыня во всю голову:
«Как сказывай, дружище, ты какой земли,
Какой земли да какой орды,
Чьего же ты отца да чьей ты матери?» —
«Если хочется тебе узнать, какой земли,
Так булатом переведаем».
Как разгорелось сердце богатыря,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.